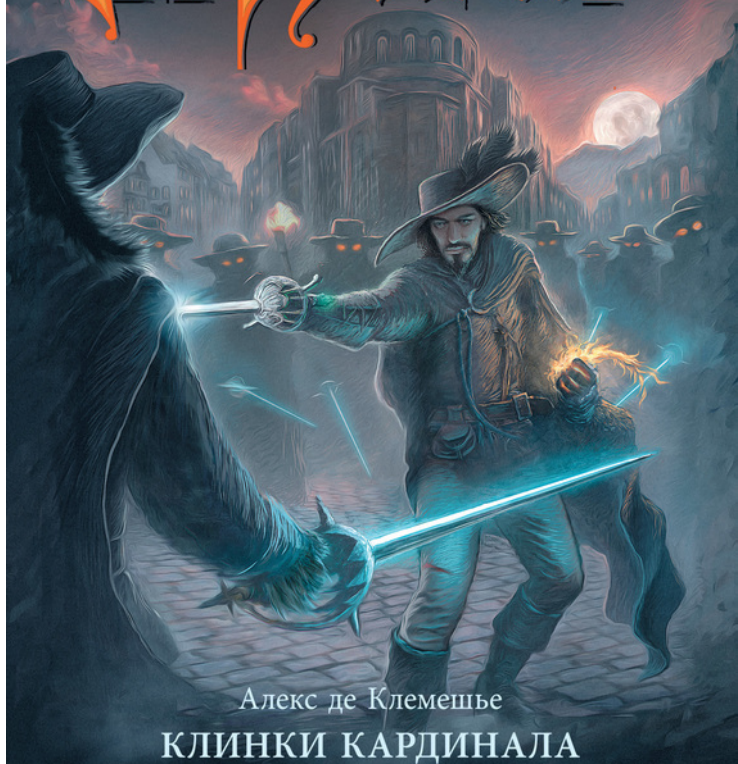

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Мозоры

Алекс де Клемешье

КЛИНКИ КАРДИНАЛА

Алекс де Клемешье
Клинки кардинала
Серия «Дозоры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29427287

Клинки кардинала: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-106853-0

Аннотация

Франция, XVII век, времена мушкетеров.

Он на равных фехтует с Претемным коннетаблем Парижа. Он превзошел в силе Хозяйку, сделавшую его вампиром. Он берется за самые невыполнимые задания, потому что он – тайный агент на службе обычного человека, творящего Историю.

Дозоры связаны Великим Договором, не позволяющим напрямую вмешиваться в политику людей. Но – тысяча чертей! – нужно быть глупцом, дабы искренне верить, что Иные не пытаются влиять на события.

Содержание

Предисловие автора	5
Клинки кардинала	8
Пролог	8
Часть первая	35
Глава 1	35
Глава 2	50
Глава 3	79
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Алекс де Клемешье

Клинки кардинала

© С. Лукьяненко, 2013

© А. Клемешов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Моим родителям, привившим мне любовь к
приключенческой литературе.*

Предисловие автора

Я не первый и не последний в этом мире читатель, чье детство прошло под благословенной звездой приключенческой литературы: Стивенсон, Сабатини, Готье, Дрюон и, конечно же, Александр Дюма. В те годы мне, как и большинству читателей, не приходили в голову мысли об историческом соответствии персонажей и событий – я просто упиался захватывающим сюжетом, романтикой и головокружительными приключениями героев, щедро сдобренными звоном шпаг и мечей, коварством отравителей, интригами и погонями. И лишь позднее, постепенно узнавая все больше и больше о Средневековье и Новом времени, я стал задаваться вопросами. Например, почему кардинал Ришелье, сделавший столько полезного для Франции и ее положения в Европе, в известнейшем романе Дюма предстает злодеем? Почему развратный Бэкингам, опустошивший английскую казну, соблазнивший королеву Анну Австрийскую и объявивший Франции войну, должен вызывать сочувствие? И если в 1625 году у Ришелье еще не было собственной гвардии, с какими же «гвардейцами кардинала» сражались наши любимые мушкетеры?!

Ответ оказался очевиден и прост: Александр Дюма писал не документальные книги, а романы, которые смело можно отнести к поджанру «историческая фантастика». Именно

поэтому он весьма вольно трактовал причины и последствия реальных событий, тасовал даты в удобном ему порядке, заставлял объединяться на книжных страницах людей, которые никогда не встречались в жизни. Это нисколько не умаляет литературных достоинств произведений Дюма! Взять не связанные друг с другом прототипы и события, суметь сложить их вместе и вылепить нечто достоверное и захватывающее – для этого нужно быть настоящим гением. И я по-прежнему снимаю шляпу, благоговей перед его талантом.

Однако некоторую историческую справедливость все-таки хотелось бы восстановить. И подобные мысли приходили в голову не только мне. Вот что пишет Франсуа Блюш в своей книге «Ришелье» из серии «Жизнь замечательных людей»:

«Кардинал, каким мы привыкли видеть его благодаря роману „Три мушкетера“, жесток, безжалостен, скрытен, лжив и лицемерен, полон предрассудков, упорен в своей ненависти. На него работают такие агенты, как Рошфор и дьявольская Миледи. „Вот как пишется История!“ – восклицал Вольтер. В данном случае она пишется почти исключительно при помощи одного-единственного романа, к тому же не слишком правдивого и неверно понятого. В самом деле Дюма имел весьма своеобразную точку зрения. Если вы в этом сомневаетесь, перечитайте „Трех мушкетеров“. Кардинал, „человек в красном“, в общем-то является полупризраком, придуманным Атосом, Арамисом, Портосом и д’Артаньяном».

Известный поэт Малерб, современник Ришелье, писал одному из своих друзей: «Вы знаете, что я не льстец и не лжец, но клянусь Вам, что в этом кардинале есть нечто такое, что выходит за общепринятые рамки, и если наш корабль все же справится с бурей, то это произойдет лишь тогда, когда эта доблестная рука будет держать бразды правления».

Приступив к работе над книгой, я осознанно обрек себя на изучение гигантского массива информации, и по мере погружения в данный исторический период я узнавал все больше и больше такого, о чем в известных романах нет даже упоминаний. Далеко не все факты, почерпнутые мной из мемуаров и исторических документов, попали на страницы книги, далеко не все они играют ключевую роль. Однако я искренне надеюсь, что мне удастся вызвать читательский интерес к истории. Настоящей истории. Как сказал Артур Конан Дойль устами своего героя, бригадира Жерара: «Сохраните же все это в душе и передайте своим детям, потому что память о той великой эпохе – самое драгоценное сокровище, какое только может быть у народа».

Клинки кардинала

Данный текст проливает свет на некоторые исторические события.

Ночной Дозор

Данный текст бросает тень на некоторые исторические события.

Дневной Дозор

Данный текст заставляет по-иному взглянуть на некоторые исторические события.

Инквизиция

Пролог

Авиньон, юго-восточная Франция, ноябрь 1618 года

Молодой епископ крался по темной галерее.

Непроглядный мрак переиначивал все на свой лад, заставлял усомниться, есть ли сбоку, на расстоянии вытянутой руки, холодные зеркала и массивные картины, выцветшие gobelens и скрипучие двери в покои. Непроглядный мрак хлопотал за спиной, двигался и пузырился, оплетал ноги, путался в широких рукавах и полах длинной домашней накидки. Непроглядный мрак был похож на стену, в которую ты уста-

вился расширенными от слепоты глазами, на стену, которая возникла подле самого кончика носа – и которая отодвигается соразмерно твоим шагам, непостижимым образом не давая тебе врезаться в свой дьявольский монолит...

В дневное время епископ стремительной походкой мог пересечь галерею за каких-нибудь двадцать шагов. Однако сейчас, посреди ночи, в полной темноте, помещение казалось попеременно то крохотным, словно склеп, то бесконечным, словно коридоры Лувра.

Люсон замер, лихорадочным движением выдернул из-за пазухи платок и отер выступившую на лбу испарину. Он хладнокровно контролировал собственное дыхание, но предательский пот и омерзительная слабость в коленях с головой выдавали его страх.

Вот! Снова! Снова этот явственный шорох впереди! Кто-то шел по галерее, шел так же медленно и осторожно, опережая Люсона всего на полдюжины шагов, – и этот кто-то был уже возле его рабочего кабинета!

Епископ переложил тонкий кинжал из левой руки в правую. В темноте, в ограниченном пространстве, кинжал куда удобнее и надежнее шпаги.

Позавчера ночью, впервые услышав скрип старых половиц, он своими криками заставил примчаться в галерею и слуг во главе с личным секретарем Ле Маслем, и брата Анри, и шурина Франсуа. Наполнив неудобный дом светом ламп, они буквально прочесали все помещения, все темные углы,

но не обнаружили неведомого гостя.

Вчера Люсон снова поднял шум – и заспанные слуги застали его посреди галереи с канделябром на дюжину свечей в одной руке и заряженным пистолем в другой. Поиски ночного посетителя опять не принесли успеха, и тогда старший брат Анри, маркиз, который переживал отлучение от двора и смерть своей супруги не менее тягостно, чем Люсон собственную ссылку в Авиньон и смерть своих надежд, – тогда старший брат Анри мягко, но настойчиво попросил отдать ему оружие. А затем сам уложил епископа в постель и какое-то время сидел рядом, настороженно, как в детстве, вглядываясь тому в изможденное бледное лицо. В свое время маленький Арман был крайне болезненным ребенком, не раз находился на самой грани между тем и этим миром, и теперь, в ссылке, его здоровье вновь изрядно пошатнулось. Но затаенная тревога в глазах Анри говорила скорее о беспокойстве за душевное здоровье Армана, нежели о братских страданиях по поводу физической боли, которая постепенно выедала опального епископа изнутри.

Нынче ночью Люсон решил не давать нового повода для жалости, косых взглядов и пересудов. Пистоль забрали – но в его покоях было достаточно и другого оружия. Он выбрал кинжал. Епископ намеренно не разжигал огня в спальне, намеренно не держал под рукой масляную лампу или канделябр – он просто встал вплотную к двери и несколько часов вслушивался в тишину. Пока наконец в галерее не раздались

шаги. Тогда он бесшумно выскользнул из комнаты и двинулся следом за полуночным посетителем.

Движение воздуха возле лица и новый скрип в другой тональности подсказали молодому епископу, что некто распахнул двери, ведущие в кабинет. И в этот момент вполне объяснимый страх сменился яростью. Кто-то смеет по ночам вторгаться в его жилище, ходить по комнатам и, возможно, рыться в его бумагах! Доверенное лицо его покровительницы, королевы-матери? Или шпион де Люиня, оклеветавшего Люсона и тем самым избавившегося от влиятельного соперника? Или, может, кто-то из своих, живущих в этом же доме, повадился знакомиться с незаконченными богословскими трудами и личной перепиской? Кто же? Смиранный капуцин – секретарь Ле Масль? Маркиз? Или шурин, благородный Франсуа де Виньеро дю Пон-Курле?

Таиться далее не имело смысла; из кабинета не было другого выхода, он выследил негодяя и загнал его в ловушку! Еще два шага – и лунный свет, ниспадающий через окно кабинета, обозначил прямоугольник двери. Выставив кинжал перед собой на манер шпаги, Люсон буквально ворвался внутрь, нащупал за спиной сначала одну створку, затем другую – и сомкнул их. Ловушка захлопнулась.

Епископ был готов либо к стремительному нападению застигнутого врасплох злоумышленника, либо к тому, что незнакомец попытается воспользоваться отсутствием освещения – спрятаться, укрыться под столом или за другими

предметами мебели, слиться со стеной в темном углу, перехитрить хозяина кабинета и, прикрываясь суматохой и нерасторопностью обитателей дома, исчезнуть, сбежать, как случилось уже два раза подряд. Сердце Люсона колотилось, капельки пота разъедали глаза, рука крепко сжимала оружие, готовая в любой момент пустить его в ход...

Однако произошло то, чего он никак не ожидал.

– Вы мужественный человек, Арман! – сухим бесцветным голосом прошелестел неподвижный сгусток мрака, который епископ сперва принял за тень от тяжелой портьеры. – Мужественный, решительный и сообразительный – всего две ночи потребовалось вам на то, чтобы понять: не нужно никого звать при моем появлении, эта встреча касается только нас двоих.

Люсон вряд ли мог бы сам сию минуту назвать себя мужественным, однако его больше волновал голос и его интонации, он внимательно прислушивался к словам, пытаясь обнаружить в них угрозу или скрытый сарказм – дополнительную пищу для собственных страхов. Однако хорошо уже то, что этот некто – явно не из обитателей дома, чужак. Арману было бы крайне неприятно застать здесь тех, кому он доверял – секретаря, брата или шурина, ибо это означало бы еще одно предательство, еще один подлый удар в спину.

– Встреча? – чересчур резко от нервного возбуждения переспросил наконец он. – Но я не искал с вами встречи! Кто вы? Почему тайком проникли в мое жилище? И как вам во-

общее удалось проделать это трижды?

– Мне будет трудно мигом ответить на все вопросы, которые интересуют вас сейчас и заинтересуют в дальнейшем. Наберитесь терпения, Арман! Главное, что вы должны усвоить сразу: я вам не враг. А в ближайшем будущем, которое начнется уже нынешней ночью, надеюсь стать другом.

– Я хочу знать, с кем говорю. Назовитесь и покажите мне свое лицо, иначе я вынужден буду позвать прислугу!

– И вновь окажется, что это напрасная трата времени! Неужели вы еще не поняли, что никто, кроме вас, не сумеет ни увидеть меня, ни услышать? А уж поймать меня будет не под силу даже вам, мой друг.

Внезапно звук голоса в одно мгновение переместился в противоположный угол комнаты; ни одно живое существо не смогло бы так молниеносно и бесшумно преодолеть расстояние в десяток шагов! Люсон развернулся лицом к тени и попятился, крестясь и шепча молитву; кинжал так и грозил выпасть из ослабевших от ужаса пальцев.

– Ах, оставьте, дорогой Арман! – с сухим смешком, напомнившим шорох опавших листьев, продолжил незнакомец. – Не пытайтесь убедить меня в вашей набожности! Ваши пламенные проповеди в Люсонском аббатстве и во всех отношениях замечательные теологические трактаты – это прекрасная ширма для человека рассудочного и сметливого. А ведь вы именно такой, верно? Ну, не разочаровывайте меня! Не заставляйте меня думать, что в минуту опасно-

сти вы готовы перестать рассчитывать на самого себя, готовы призвать для защиты и всецело положиться на милость того, кто уже неоднократно доказал, насколько вы ему неинтересны... Ну хорошо, я обещаю более не пугать вас, демонстрируя свои способности. Впрочем, эта демонстрация, равно как и то, что происходило в прошлые ночи, – все эти представления были необходимы. С их помощью мне теперь будет проще убедить вас в том, о чем я намерен переговорить с вами.

– Кто вы? – взмолился епископ, ощущая, сколь непослушны в этот момент его губы и язык.

– Существо из плоти и крови, – хмыкнув, ответил незнакомец. – Не Дьявол. Вас ведь именно этот вопрос интересовал?

Судя по голосу, перед Люсоном во мраке кабинета скрывался если не старик, то человек весьма почтенного возраста. Однако невозможно было представить старца, который бы так стремительно двигался, да к тому же, кажется, прекрасно видел в темноте.

– Вы, кстати, можете зажечь лампу, – будто прочитав его мысли, проговорил чужак. – Так вам станет спокойнее. Пройдите за свой стол, зажгите хотя бы свечу... Впрочем, чего доброго, еще споткнетесь по дороге... Не обессудьте, Арман, мне придется еще разок воспользоваться своим даром... Вернее, одним из своих даров!

Сгусток мрака несколько раз отчетливо щелкнул пальца-

ми, и, повинувшись каждому щелчку, по очереди затеплились свечи, вставленные в настенный канделябр. Епископ похолодел от ужаса. Незнакомец мог сколько угодно разглагольствовать о своей непричастности к темным силам, но подобные чудеса не присущи добрым христианам! Если перед ним колдун, значит... значит...

– Да сядьте вы наконец! – с досадой проговорил незнакомец; пусть в кабинете и стало гораздо светлее, лица его было не разглядеть – казалось, перед мраком, окружающим фигуру ночного гостя, огоньки свечей бессильны. И тем не менее Люсон предпринял попытку:

– Мы знакомы?

– Исключено! – хмыкнув, покачал головой таинственный старик. – Мы никогда не встречались. Разумеется, я знаю вас, Арман, раз уж так настойчиво добиваюсь общения. Вы тоже, безусловно, слышали обо мне, но вряд ли даже вам, с вашим пытливым умом, удастся сопоставить меня с тем, о ком вы слышали. Впрочем, я не исключаю вероятности, что однажды, после нескольких наших бесед, вы догадаетесь, кто я такой. Но это произойдет не сегодня.

Косясь на невнятный силуэт невольного собеседника, опальный епископ Люсонский все-таки прошел к столу, сел и как можно спокойнее полюбопытствовал:

– Как же мне вас называть?

– Хороший вопрос! – Незнакомец снова зашелестел своим странным сухим смехом. – Называйте меня Пресветлым,

в настоящий момент это наиболее подходящее имя. К тому же сотни и сотни врагов, друзей и последователей величают меня именно так.

– Пресветлый... – Люсон попробовал слово на вкус, попытался припомнить, встречался ли ему в мемуарах и богословских книгах подобный титул. – Вы служитель Церкви?

– Не теперь. Был им когда-то давно... Оставьте, Арман! Моя личность сейчас не так важна, как ваша. Вы получите ровно столько информации, сколько требуется, и мое настоящее имя по степени важности стоит на сотом месте по сравнению со всем остальным.

– Хорошо, – пошел на уступки молодой епископ, – однако я должен иметь хоть какое-то представление о том, с кем беседую!

– Разумно, – подумав, ответил тот, кто назвал себя Пресветлым; он прошелся перед столом Люсона туда-сюда, давая возможность хозяину как следует рассмотреть свой старомодный костюм под широким плащом с капюшоном, а затем медленно, будто все еще размышляя, спросил: – Как вы считаете, Арман, народ лучше или хуже знати?

– В глазах Господа все равны, – смекнув, что вопрос с подвохом, смиренно проговорил Люсон.

– Это верно! – Старик кивнул, соглашаясь. – Но мы с вами – не божественные сущности, чтобы говорить от его имени. Вы, Арман, именно вы – считаете ли, что лучше крестьянина, пекаря, скотника?

– Я – человек благородного происхождения! – напомнил епископ.

– Бесспорно. Но дает ли это вам какие-то преимущества в определенных областях? Сможет ли какой-нибудь герцог вычистить конюшню так же ловко, как конюх? Сможет ли какой-нибудь виконт сложить печь так же аккуратно, как печных дел мастер?

– А разве эти занятия достойны дворянина? – вздернул брови Люсон. – Сейчас я всецело посвятил себя Церкви, но во времена моего светского существования мне не пришлось бы в голову выполнять работу, которая входит в обязанности прислуги.

Произнеся все это, Арман внезапно смутился: буквально полгода назад он был не только духовным наставником юной королевы Анны Австрийской, но и советником Марии Медичи, королевы-матери, и вел довольно светскую жизнь при дворе. Однако ночной гость не стал заострять на этом внимания:

– То есть вы признаете, что многое, если не все, зависит от того, кем родился человек?

– Это странный вопрос, – нахмурился епископ, не улавливая, куда клонит пожилой собеседник. – История наша знает рожденных от прислуги бастардов, которые при должном воспитании и образовании...

– Хорошо, давайте попробуем зайти с другой стороны. Представьте, что у вас есть замечательные, лучшие в своем

деле работники: каменщики, резчики, кровельщики, – доверите ли вы им постройку великолепного дворца?

– При условии, что ими будет руководить архитектор.

– Bravo! – Посетитель несколько раз бесшумно хлопнул в ладоши. – Итак, одни рождены, чтобы чистить конюшни, убираться в доме, выращивать овощи и скот; другие же – прирожденные военачальники, политики, архитекторы... Пусть те и другие, как вы только что сказали, равны в глазах Господа, пусть тех и других должно называть людьми хотя бы на основании того, что у всех у них есть душа, пусть каждый по отдельности – преданный слуга короля и смиренный католик, однако даже самый лучший скотник не сможет управлять войсками, а самый лучший булочник не сумеет договориться о перемирии с гугенотами. И в этом смысле скотнику было бы чрезвычайно глупо обижаться на маршала Франции, а булочнику – на королевского посла в Англии.

– Зачем вы мне об этом рассказываете? Как это поможет мне понять, с кем я сейчас беседую?

– Я уже почти подвел вас к самому важному. Не хочу, чтобы вы были неприятно шокированы тем, что вам предстоит услышать. Мы только что говорили о двух категориях людей – народе и знати. А теперь представьте, что существует еще и третья категория.

– Церковники? – попытался угадать епископ.

– А разве иерархия внутри конфессии значительно отличается? Здесь тоже есть своя «знать» и свой «народ». Нет, я

веду речь об индивидуумах, чьи возможности так же отличаются от возможностей обычного человека, как талант командующего армией от умений скотника.

– Вы говорите о способности зажигать свечи щелчком пальцев? – догадался Люсон и поморщился. – О людях, склонных к колдовству?

– Эти особенности сложно назвать просто колдовством. В глазах неграмотного крестьянина ваше умение писать – тоже своего рода колдовство, но разве вы считаете такое умение самым главным своим достоинством? Нет, Арман, третьей категории людей доступно больше, гораздо больше, чем простенькие ярмарочные фокусы. Они видят, слышат и ощущают по-другому, они способны предсказать неблагоприятный исход и предвидеть успех любого начинания, они умеют подчинить себе одним лишь взглядом, менять свою внешность, проходить сквозь стены и перемещаться в пространстве, которое недоступно обычному человеку. Они могут убивать без помощи оружия, на расстоянии, вообще не прикасаясь к противнику. Они могут вернуть к жизни человека после смертельного ранения или неизлечимой болезни. И живут они практически вечно. Они люди, но они – другие. Они и называют себя так – *Les Autres*¹.

– Иные... – прошептал епископ и перекрестился. – Колдуны! Ведьмы! Дьявольские отродья!

– Отнюдь, Арман, отнюдь! – мягко возразил Пресвет-

¹ *Les Autres* – Иные (*фр.*).

лый. – Иные рождаются не в аду, а в самых обычных семьях. Это может быть семья богача или бедняка, знатного вельможи или искалеченного солдата, убежденного протестанта или истинного католика. Никогда нельзя предсказать, где и когда родится Иной, но такое случается регулярно. Хотя и не слишком часто.

– Многотысячные пепелища на месте костров Святой Инквизиции говорят об обратном!

Едва различимое в полумраке лицо собеседника скривилось, будто от боли.

– Это страшная страница нашей истории. В кострах погибло множество безвинных людей, *обычных* людей. Вам ли не знать, что значит быть оклеветанным и несправедливо наказанным? Да, среди казненных были и маги. К счастью, Инквизиции было не под силу схватить тех, кто достаточно освоил свои способности, и в кострах и на дыбах гибли самые слабые Иные. Однако среди этих слабых были по большей части молодые маги, которые могли бы еще жить да жить, набираться сил и опыта и принести немало пользы, совершить множество деяний во благо государства, Церкви и королевской семьи...

Последние слова старик особо выделил голосом, и Люсон призадумался. Когда-то, пользуясь своим особым положением при королеве-матери, он изучил немало секретных документов и писем, хранящихся в Лувре. Из них явствовало, что при дворе с давних пор привечались некие темные

личности, которые оказывали различного рода услуги своим покровителям. Среди них были астрологи, предсказатели, алхимики – большую их часть епископ, не задумываясь, отнес к шарлатанам, присосавшимся к казне. Одни говорили то, что от них желали услышать правители, другие пророчили события, которым так и не суждено было сбыться, третьи, пугая близкой смертью или грозящим несчастьем, якобы спасали своих благодетелей. Однако среди прочего попадались факты, которые нельзя было объяснить ничем, кроме как вмешательством высших сил... или способностями Иных. Чего стоил один только флорентиец Рене, личный парфюмер Екатерины Медичи! Сколько таинственных, невероятных смертей случилось по указанию «черной королевы» и скорее всего при его участии! Сколько его предсказаний сбылось в точности до последнего слова! Сколько придворных после одной только беседы с ним меняли свои суждения и манеру поведения!

Сейчас, много лет спустя, при другой королеве-матери из рода Медичи² состоял другой флорентиец – Джакомо Лепорелло. Впрочем, другой ли? Если в словах Пресветлого есть правда, если Иные живут вечно, то ничто не мешало мэт-

² Екатерина Медичи (1519–1589) – королева Франции с 1547 по 1559 год; жена Генриха II, короля Франции из династии Валуа. Некоторое время управляла страной в качестве регента при несовершеннолетних сыновьях. Мария Медичи (1575–1642) – королева Франции с 1600 по 1610 год, вторая жена Генриха IV Бурбона, мать Людовика XIII, некоторое время управляла страной в качестве регента при несовершеннолетнем сыне.

ру Рене взять себе другое имя, дабы не смущать умы своим долгожительством. И пусть увлекался Лепорелло не столько духами, ядами и предсказаниями, которые прославили жившего пятьдесят лет назад парфюмера, сколько самодвижущимися игрушками и механическими приспособлениями... Но ведь пристрастия людей меняются, верно? Почему бы не меняться пристрастиям Иных?

Люсон задумчиво притронулся кончиками пальцев к кинжалу, который незадолго до этого выпустил из рук и оставил перед собой на столе.

– Как отличить Иного от обычного человека? – внезапно спросил епископ.

– Как вы практичны, друг мой! – зашелестел сухим смехом гость. – Вы еще не до конца поверили в существование третьей категории, но уже желаете знать видимые отличия! Увы, их нет. Ни одному человеку не дано распознать Иного, если тот сам не соизволит раскрыться. Скажу больше: иногда и сам Иной не подозревает о наличии у себя способностей, данных ему природой сверх обычного набора. Тогда его приходится просвещать и обучать...

Люсон вздрогнул и вцепился пристальным взглядом в темноту под капюшоном собеседника.

– Вы хотите сказать, что я... что вы пришли не просто так?

– Ах, нет, Арман! – Посетитель выставил вперед руку. – Расстроит это вас или обрадует – но я вынужден сообщить, что вы не Иной и никогда им не станете.

Сложно сказать, был ли Люсон разочарован – преодолев недавний ужас, он теперь слишком хорошо контролировал свои эмоции. Едва услышав отрицательный ответ собеседника, он снова заговорил:

– В таком случае у вас может быть только одна цель – вы пришли предложить мне свои услуги.

Пресветлый вновь бесшумно зааплодировал:

– Браво! Хотя ваши слова несколько смешны. О, не обижайтесь, но наше с вами положение так разнится, что с равным успехом вы могли бы предположить, что услуги вам пришел предлагать сам папа римский. Где вы, опальный епископ, изгнанный из Парижа и из своего диоцеза, лишенный всех привилегий, – и где он!

Люсон пристыженно потупился. В самом деле, что он знал о своем собеседнике? И кем сам он виделся Пресветлому? Ведь не просто так тот завел разговор о разнице между знатью и народом? Отец епископа, Франсуа дю Плесси де Ришелье, принадлежал к родовитому дворянству Пуату, так называемой провинциальной аристократии. Однако всего в этой жизни юный Арман дю Плесси добился сам. Наваррский коллеж, в котором в свое время обучались и Генрих III, и Генрих IV, затем Военная академия Плювинеля, Сорбонна, степень доктора философии – и все это в неполных двадцать два года! В двадцать три он уже вступает в должность епископа в Люсоне – наверное, самом бедном церковном диоцезе Франции, но это – единственный оставшийся источник

дохода семьи дю Плесси, и Арман беспрекословно меняет карьеру военного на сутану. «У меня очень бедный дом, — писал он сестре десять лет назад, — из-за дыма я не могу зажечь огня. Я боюсь суровой зимы; единственное спасение состоит в терпении. Уверяю Вас, что у меня самое плохое и неприятное место во всей Франции... здесь негде прогуляться: нет ни сада, ни тропинок, ничего; поэтому дом является моей тюрьмой». Собор тогда был в еще худшем состоянии: с разрушенной колокольной, потрескавшимися стенами, без статуй, картин, гобеленов; сохранились только алтари...

Потом последовал взлет: Арман нашел средства для реставрации кафедрального собора и собственной резиденции, читал блестящие проповеди, лично рассматривал буквально каждую просьбу своей паствы, написал ряд интересных теологических работ, адресованных простому народу, в 1614 году стал депутатом Генеральных штатов от духовенства, и наконец епископа Люсонского заметили в Париже, приблизили ко двору. Он стал доверенным лицом и советником правящей в тот момент Марии Медичи, королевы-регентши при малолетнем Людовике XIII.

Потом — новое падение: подстроенное фаворитом короля де Люином «разоблачение», обвинение в заговоре и последовавшее за этим изгнание в Авиньон, бессрочная ссылка без надежды на возвращение. «Я самый несчастный из всех безвинно оклеветанных!» — писал он тем, кого считал своими друзьями. Вот только много ли их осталось, тех друзей?

Один лишь отец Мюло, смиренный монах, то ли из симпатии к молодому Арману, то ли веря в его будущий гений, продал все, что имел, выручив три тысячи экю, и отдал эту сумму опальному епископу Люсонскому. Еще секретарь Ле Масль и отец Жозеф остались преданы изгнаннику, а больше и называть-то некого.

Так кто же он в глазах незваного посетителя? Фаворит Медичи или неудачник? Дворянин или потерявший все придворный? Епископ или сосланный заговорщик? Как велика пропасть между Пресветлым и Люсоном?

Арман выпрямил спину и горделиво вздернул подбородок:

– Тем не менее, раз вы здесь, раз так настойчиво добились встречи – значит, моя скромная персона вам для чего-то нужна! Поскольку мне в моем положении нечего предложить вам – значит, предлагать станете вы!

– Блестящее умозаключение! – похвалил старик. – Я в вас не ошибся. Вы действительно нужны мне – как инструмент, как оружие...

– Как каменщик и кровельщик, – подхватил Арман. – А вы, разумеется, будете тем самым архитектором, под присмотром которого будет строиться... Что же будет строиться под вашим руководством?

По всей видимости, гость несколько опешил от металлической требовательности, что прозвучала в словах Люсона, оказался не готов к внезапной перемене в настрое хозяина

кабинета: от смущения – к проснувшейся гордости. Старик хмыкнул, покачал головой и только после нескольких мгновений заговорил снова:

– Вы ведь помните? Негоже булочнику обижаться на военачальника!

– Я помню, – с достоинством кивнул епископ. – Однако распределение наших ролей предпочту оставить до того, как вы мне озвучите свое предложение.

Пресветлый тихонько рассмеялся и кивнул несколько раз, давая понять, что оценил фразу молодого собеседника.

– Ваши слова, – сказал он, – лишнее доказательство тех причин, по которым я предпочту видеть вас в числе своих друзей, а не противников. Вас не так легко сломить, как кажется тем легкомысленным пустобрехам, что окружили Людовика в Париже. Для меня это – одно из самых ценных качеств. Что же касается моего предложения... Я планирую с вашей помощью изменить сложившуюся ситуацию.

– Каким образом?

– Я приведу вас к власти.

Настал черед рассмеяться Люсону.

– Что же здесь смешного? – развел руками Пресветлый.

– Милостивый государь, хоть вы и говорили «они», когда вели речь об Иных, не нужно быть провидцем, чтобы догадаться: вы сам – Иной. И если вы по крайней мере наполовину так всемогущи, как пытались мне внушить, вы бы давным-давно сами добрались до власти. А раз уж вам оказалось

не по силам добиться высокого положения самому – так не хватит сил и меня вернуть в Париж. Моя жизнь сейчас загублена окончательно и бесповоротно. Поверить вам теперь – значит обрести беспочвенную надежду. А ее крах станет последним, что доведется мне испытать на этом свете. Нет уж, увольте! Я предпочту сгнить заживо в Авиньоне, чем сплестись под вашу дудку – и в итоге сгнить заживо в Бастилии.

– Никто и не говорит о пляске под мою дудку, Арман! – с укором произнес пожилой гость. – Я не предлагаю вам захватить власть – я хочу, чтобы вы пришли к ней законными способами: стали кардиналом Франции и первым министром Людовика XIII.

– Но это невозможно! – с жаром воскликнул епископ. – Мои прошения о помиловании отвергнуты, моих знакомых, пытавшихся отстоять мою честь перед королем, никто не стал слушать! Мое имя уже практически забыто...

– Не спешите, Арман. Вы терпеливый человек – так наберитесь же еще терпения! Я не предлагаю вам сию минуту собраться и отправиться покорять Париж.

– Тогда что же вы предлагаете? – скривился Люсон. – Деньги на подкуп?

– Мне доступны линии вероятностей, – неторопливо проговорил Пресветлый. – Я в любой момент времени вижу несколько разных путей развития событий. Соответственно я имею возможность выбрать самый благоприятный из них. Если в ключевые или, скажем так, судьбоносные моменты вы

станете прислушиваться к моим советам – вы вернете себе высокое положение в обществе и приумножите свое влияние на членов королевской семьи.

– Я вам не верю! – помотал головой епископ. – Почему же вы сами не воспользуетесь своими советами?

– Видите ли, Арман, даже если бы мне вдруг захотелось занять французский престол (а мне это попросту не нужно, поверьте!), мне бы не дали этого сделать такие же, как я. У Иных тоже есть практика заключения договоров, и один из подобных договоров – о невмешательстве в политику людей. Вам совсем не обязательно знать, что стало тому причиной, просто примите как факт: ни один Иной не может править в каком бы то ни было государстве. Такое случалось раньше, но не теперь.

– А ваши советы вмешательством считаться не будут? – прищурился Люсон.

– Будут, если о них кто-нибудь узнает. Но я бы предпочел, чтобы наше с вами знакомство и общение остались в тайне.

– Стало быть, вам удобнее, если править или влиять на правителя станет покорная вашей воле марионетка?

– Арман! – Посетитель вновь добавил в шелестящий голос укоризненных интонаций. – Посмотрите вокруг! Страна прозябает в нищете, народ задушен непомерными налогами, в то время как в Лувре – бесконечная череда балов и празднеств. Испания считает нас своей провинцией, итальянские принцы ведут себя предельно нагло, Англия гро-

зит войной, австрийские Габсбурги пытаются надавить через Нидерланды и Фландрию, гугеноты дерутся с католиками, католики – с гугенотами. Вы считаете, что в подобной ситуации мне требуется марионетка? В таком случае я бы выбрал из уже имеющихся – инфантильным Людовиком управлять куда легче. Нет, Арман, здесь необходимы ясный ум, самоотверженность, целеустремленность и твердая рука. С первыми тремя качествами у вас все хорошо, иначе мой выбор пал бы на другого претендента. А обрести твердость руки я вам помогу.

– А что взамен? Через какое время вы потребуете у меня мою душу?

Капюшон замер напротив Люсона: Пресветлый внимательно всматривался в лицо епископа.

– Не будьте глупцом, Арман. В очередной раз повторяю вам: я не Дьявол и не его посланник.

– Но в чем тогда ваша выгода? – изогнул бровь молодой епископ.

– В величии Франции. О, не надо сарказма, Арман! Вы ведь тоже этого хотите, признайтесь! Личная выгода и величие государства не всегда совпадают, но мне-то хорошо известно, что выбрали бы вы, если бы представилась сама возможность такого выбора. Вы – прирожденный политик, стратег, полководец. Сутана вместо военного камзола – это всего лишь досадное недоразумение! Ваше нынешнее смирение, как и ваша видимая набожность, – это всего лишь ширма, за

которой бушуют настоящие страсти. Так позвольте мне помочь вам сдвинуть эту ширму, чтобы вся Европа, весь мир узнал настоящего Армана дю Плесси!

Люсон лишь вяло отмахнулся от этих слов и медленно проговорил:

– Вы заставляете меня усомниться и в вашей искренности, и в побуждающих причинах, и в конечном исходе предприятия. Я задал вопрос – в чем ваша выгода? Вы же в итоге рассказываете мне об удовлетворении моего собственного эго. Нехорошо, милостивый государь!

Гость надолго замолчал и вновь принялся прохаживаться перед столом епископа. Наконец, обдумав требование хозяйина кабинета, взвесив свой ответ так и эдак, он произнес:

– Извольте, я скажу по существу. Как люди делятся на сладкоежек и тех, кто предпочитает острую пищу, так и Иные делятся на два типа. Одни из нас питаются Темной субстанцией, которая образуется из переизбытка злобы, гнева, страха и безнадежности. Франция для них сейчас – настоящий рай. Приумножение Темных деяний и настроений – их забота и прямая выгода. Другие питаются Светлой субстанцией из положительных эмоций – и им сейчас приходится тяжело, поскольку страна утонула в бедах, унижении и вражде. Чем меньше радости и добродетелей вокруг – тем они слабее, тем в большую зависимость от Темных Иных они попадают.

– Вы – Пресветлый, – задумчиво проговорил Люсон, – и

если ваше имя происходит из вашей сути – значит, вы относитесь ко второму типу. Что ж, теперь ваш интерес объясним, я удовлетворен.

– В стране нужно навести порядок! – Гость воздел палец к потолку. – Если заставить считаться с Францией наших внутренних и внешних врагов...

– А ведь это не ваши враги, Пресветлый! – жестко перебил говорящего епископ Люсонский. – Это *наши* враги, а не *ваши*. Попрошу впредь называть вещи своими именами. Дабы не возникло недопонимания. Итак, необходимо возвести дворец, прекрасный, крепкий дворец, на зависть недругам и соседям. Вы собираетесь проделать это руками землекопов, каменщиков, кровельщиков и так далее. Однако вы не можете доверить им строительство без присмотра, и тут я вас, милостивый государь, прекрасно понимаю. Строительство займет много времени, и есть вероятность, что к его завершению не останется в живых ни каменщиков, ни землекопов. Зато у архитекторов будет где жить и чем питаться. Теперь скажите мне, верно ли я трактую ваше предложение?

– Верно, – нехотя выдавил гость. – За исключением того факта, что при благоприятном стечении обстоятельств и буквальном следовании моим советам кровельщик и сам вполне успеет пожить под великолепной кровлей. Если для вас важно именно это. Но в таком случае я буду разочарован. Мне казалось, вы страдаете из-за того положения, в котором оказалась Франция...

Люсон поднялся из-за стола и протянул Пресветлому руку:

– Я согласен.

Старик замер в нерешительности.

– Так просто?

– Я мечтаю увидеть в блеске и славе не только Лувр, но всю Францию. Разве можно отказаться от попытки воплотить это наяву? Даже если мне не суждено отведать плодов своей работы – я согласен. Даже если мне в итоге светит Бастилия или Гревская площадь³ – я согласен.

Все еще находясь в сомнениях, Пресветлый пожал протянутую руку.

– Вы сложный человек, Арман, – покачал он головой. – Никогда не знаешь, чего от вас ждать.

– В таком случае мы с вами в одинаковом положении: мне тоже пока неизвестно, чего ожидать от нашего союза. С чего мы, кстати, начнем?

– С терпения, мой друг. Вы, кажется, собирались заниматься богословскими трудами? Вот и займитесь. О, не хмурьтесь! Если вам угодно, я перечислю примерную последовательность событий. Через несколько месяцев, уже весной, один из ваших трудов издадут в Париже. Он принесет немалый успех, а заодно напомнит о вашем существовании тем, кто, как вы считаете, уже успел забыть ваше имя. Но еще до этого, в феврале, начнется война между матерью и

³ Гревская площадь – одно из традиционных мест публичной казни в Париже.

сыном...

– Война?! Между королевой Марией и Людовиком?!

– Просто примите это как данность. Предотвратить мятеж нам не удастся. Постарайтесь быть рядом с королевой.

– Рядом с королевой? В числе мятежников, врагов короля? Вы в своем уме?!

– Слушайте меня, Арман! Слушайте внимательно! Только так вы сможете чего-то добиться! Будьте рядом с королевой, верните ее расположение, попытайтесь, насколько это возможно, смягчить конфликт между ней и сыном. Об этом станет известно, уверяю вас! Не опасайтесь последствий, линии вероятностей однозначно говорят о примирении между противниками. Но это будет только начало. Через год после первой войны случится вторая – и тогда уже сам король, помня о вашей лояльности во время первого мятежа, обратится к вам с просьбой образумить его мать.

Лоб Люсона пылал, пальцы лихорадочно подрагивали. Мятеж! Война! Мать против сына, сын против матери... Чудовищно, немыслимо! Впрочем, чего только не случилось в истории... Но война расколется государство на два лагеря! Что принесет это противостояние? Еще больше несчастий и боли, разруху, кровь, смерть. Этого ли он хотел, соглашаясь на предложение Пресветлого? Неужели для постройки нового дворца необходимо дотла сжечь старую постройку? Неужели единственный для Франции способ возродиться – это восстать из пепла, словно птице Феникс?

А если перед ним подстрекатель и мошенник, если в его речах нет ни слова правды? Если перед ним – враг?

Впрочем, перед Люсоном уже никого не было – кабинет опустел, ночной гость покинул его бесшумно и незаметно. Шипели, догорая, свечи, и казалось, что в помещении все еще звучит шелестящий голос незнакомца: «Я не предлагаю вам захватить власть – я хочу, чтобы вы пришли к ней законными способами: стали кардиналом Франции и первым министром Людовика XIII...»

Торопливо обмакнув перо в чернильницу, епископ в столбик выписал на первом попавшемся листе пять имен. Как ни таился его собеседник, но по деталям старомодного костюма, украшениям, манере держаться, по характерным выражениям и случайным обмолвкам Люсон смог сузить круг тех, кто мог бы назваться Пресветлым. Гость был бы весьма удивлен, увидев одно из этих имен. Нет, будущий кардинал Ришелье не сумел с ходу в точности угадать того, кто жил сто лет назад и явился сегодня под покровом ночи, – Рауля д'Амбуаза, сеньора де Бюсси, нынешнего Пресветлого коннетабля Ночного Дозора Франции. Но в списке значилось имя его родного брата, кардинала Жоржа II д'Амбуаза. Возможно, впервые, но далеко не в последний раз Арман Жан дю Плесси продемонстрировал подобную проницательность, граничащую со способностями Иного.

Часть первая

Не-мертвый Дозор

Глава 1

Карета из Фонтенбло

Все открытые места были залиты серебристым лунным светом, и от этого в лесной чаще казалось еще темнее.

Роберт Луис Стивенсон, «Черная стрела»

В первый понедельник апреля 1625 года случайный путник, оказавшийся посреди ночи на лесной дороге возле каменоломни в окрестностях Фонтенбло, мог бы наблюдать одну из тех сцен, о которых говорят: их следует либо навсегда запомнить, либо тут же забыть.

Сразу после того как часы на церковной башенке пробили полночь (а в тихие и ясные ночи звук этот, как известно, разносится на несколько лье окрест), из-за шершавого ствола вековой сосны на поляну у края дороги вышел человек. Лунный свет до блеска отполировал юную листву грабов, и на их фоне силуэт мужчины виделся достаточно четко. Присмотревшись, можно было понять, что одет он отнюдь не как разбойник (что объясняло бы его присутствие здесь в столь

поздний час), однако простой камзол из темно-серого бархата и тяжелый, местами потертый дорожный плащ не позволяли причислить его и к категории счастливых любовников, нарядившихся для свидания.

Мужчина пристально вглядывался в темноту туннеля, образованного лесными сводами, как будто собирался различить на том его конце очертания дворцовых построек, расположенных в часе ходьбы от каменоломни. При этом он нетерпеливо барабанил тонкими длинными пальцами по снятой кожаной перчатке. Несколько минут он провел, не меняя положения; потом наконец чуть заметно повернул голову (стала видна небольшая заостренная бородка) и негромко проговорил в сторону подлеска:

– Ветерок подул. Лошади могут учуять тебя. Уйди глубже.

Подлесок затрепетал, разбуженный движением мощного тела, затем на гигантский придорожный валун одним рывком вскочил матерый волк, мотнул лобастой башкой, потянул носом воздух – и спрыгнул, бесшумно растворившись во мраке.

Чуть погода со стороны Фонтенбло раздался торопливый перестук копыт.

– Приготовьтесь! – совсем тихо скомандовал мужчина, не сомневаясь, что его услышат. Он прикрыл глаза, нахмурил брови и вытянул шею, словно и сам внимательно вслушивался в шепот ночи. Пока он так стоял, из-за той же вековой сосны показались еще двое – тонкий, болезненного вида

юноша в щегольском костюме для охоты и могучий детина, кутающийся в длинный бесформенный плащ; когда последний двигался, можно было угадать, что он не только бос, но и наг под плащом. Меж тем первый господин открыл глаза и сообщил в пространство:

– Их все-таки пятеро. Мадемуазель де Купе с субреткой в карете. Снаружи кучер и лакей с мушкетом. Следом за каретой – всадник; шпага, два пистолета в седельных сумках. Это неприятно.

– Мне перекинуться? – просипел детина и потянул завязки на плаще.

– Пока не стоит, – качнул головой первый. – Просто сиди в засаде. Понадобись – я подам знак. А ты, – обратился он к юноше-охотнику, – ты просто контролируй лошадей. Мы все сделаем сами.

Детина пожал плечами, юноша пренебрежительно фыркнул, но оба покорно отступили обратно под сень деревьев.

Карета из Фонтенбло стремительно приближалась, через несколько мгновений стало видно, что несут ее две крепкие лошади нормандской породы; чуть поодаль скакал вороной испанский жеребец, понукаемый всадником с решительным выражением лица. Впрочем, уже скоро лошади, загодя почувяв угрозу, перешли на неуверенную рысь, а потом и вовсе остановились, храпя и испуганно мотая головами. Жеребец заржал и взвился на дыбы, грозя сбросить всадника, однако тот буквально за миг до неминуемого падения умудрился так

же легко соскользнуть с коня на землю, как невесомый шелковый пенюар соскальзывает с плеч прелестницы. С присущей молодости ловкостью и совершенно не присущим ей же хладнокровием он выхватил шпагу, еще не разглядев, с чем или, вернее, с кем ему придется столкнуться.

В ту же секунду из лесной чащи выскочил зверь; на излете своего прыжка, больше напоминающего полет чудовищного пушечного ядра, зверь подмял под себя разом и кучера, и лакея, даже не успевшего взять мушкет на изготовку. Повалив, а точнее – жестоко обрушив обоих вниз, лесной монстр мгновенно перекусил шею одному, второго же потащил в подлесок. Последовавшие за этим вопли не оставляли сомнений в судьбе несчастного слуги.

Пока недавний всадник ошеломленным взором провожал гигантского волка и его жертву, мужчина в темно-сером камзоле и плаще материализовался рядом с каретой. Судя по трепетанию шторы, оттуда совсем недавно пытались выглянуть.

– Сударыня, – мягко произнес он, не делая попыток проникнуть внутрь, – вам не о чем беспокоиться, ваша жизнь вне опасности.

– Кто вы такой?! – придя в себя, в гнев воскликнул молодой человек и кончиком шпаги постарался отодвинуть незнакомца от дверцы кареты. – Какого черта?..

– Милостивый государь, у меня нет претензий к вам и к той даме, которую вы сопровождаете. Однако мне даны ука-

зания не пропускать вас туда, куда вы так необдуманно стремитесь...

– Нет претензий к нам? – пуще прежнего разъярился молодой человек. – О, как это любезно с вашей стороны, кто бы вы ни были! Зато у меня – слышите? у меня! – имеются к вам претензии! По какому праву вы останавливаете нас посреди дороги, нападаете на наших людей и вмешиваетесь в то, что лично вас никак не касается?!

Мужчина в темно-сером камзоле обернул к молодому шевалье мертвенно-белое в лунном свете лицо. Взгляд его заставил бы вздрогнуть и попятиться любого, но сопровождавший карету был либо слишком зол, либо абсолютно бесстрашен, либо чувствовал себя бесконечно ответственным за благополучие девушки, которая сейчас находилась под его опекой, и потому готов был вопреки здравому смыслу сразиться с кем угодно, будь то существо из плоти и крови или сам Дьявол.

– Сударь, если вы дворянин – извольте защищаться! – возбужденно воскликнул он.

Бледный незнакомец вздернул брови, словно удивляясь предложению, затем учтиво склонил голову и, отступив на шаг, вынул из ножен шпагу. Как раз в эту минуту луна осветила его спутников, до сего момента находившихся в тени деревьев. Юноша в охотничьем костюме, не обращая ни малейшего внимания на готовящихся к схватке, простирали руки к лошадям. Нормандцы и вороной, непостижимо повину-

ясь этому жесту, не просто присмирели, а будто бы окаменели. Дитина в плаще грузно шагал к карете.

— Ах вот оно что! — со злобной усмешкой прошипел молодой человек, салютуя шпагой всем одновременно. — Трое на одного — прекрасно! Да еще собака! Мне это даже льстит. Что ж, я к вашим услугам, господа!

Молчаливый юноша-охотник второй раз с момента нашего с ним знакомства презрительно фыркнул, дитина с неразборчивым хмыканьем присел на подножку кареты и приготовился к зрелищу. Мужчина в темно-сером отбросил в сторону шляпу и плащ, встал в позицию, затем негромко сказал:

— Мы еще можем закончить наше дело миром. Вам не проехать в Орлеан ни этой дорогой, ни какой-либо другой. Зато я и мои люди можем гарантировать вам безопасное возвращение в Париж. Соглашайтесь, сударь! И поверьте, чем бы ни закончилась наша стычка, мадемуазель де Купе в любом случае не пропустят дальше Фонтенбло.

— Поглядим! — заносчиво ответил молодой человек и со свистом взмахнул шпагой, так же, как и его противник, вставая в позицию.

— Что ж, ваше право. Однако позвольте мне хотя бы узнать ваше имя, прежде чем я буду иметь честь убить вас.

— Оливье де Бранкас, виконт д'Армаль-Доре, к вашим услугам!

— Бранкас... Что ж, тем лучше.

— А ваше имя? — опешив от столь невежливого поведения

противника, опустил шпагу молодой виконт. – Представьтесь! Назовите свое имя!

– О, лучше бы вам его никогда не знать, сударь, – без каких-либо эмоций ответил бледный незнакомец и нанес первый удар.

Виконт легко отвел клинок, а затем и сам ринулся в бой, обрушивая на соперника град ударов. Поначалу такое рвение вкупе с уверенными, отточенными фехтовальными движениями создавало видимость его преимущества. Тем не менее сторонний наблюдатель мог бы обратить внимание, что безымянный мужчина в темно-сером не прикладывает особых усилий, отбиваясь от яростных атак, – пусть его рипосты и вольты подчас были едва уловимы для глаза, все же складывалось впечатление, что дерется он как минимум вполсилы. Однако уже через пару минут схватки в его движениях появился намек на азарт, и шпаги зазвенели с удвоенной силой. Еще через минуту детине наскучило любоваться сверкающими в лунном свете лезвиями. Он зевнул и уточнил:

– Ну? Долго еще?

– Друг мой, ты не понимаешь! – ответил бледный господин, изящным вольтом выйдя из меры и сосредоточившись на собственной атаке; одна эта фраза дала понять, что молодому виконту при всем его старании не удалось даже сбить дыхание своему визави. – За много лет я впервые встретил достойного противника! – Кончик шпаги серебристым жалом мелькнул возле глаз д'Армаль-Доре, оцарапав

тому бровь. – Мне интересно. Дайте же насладиться моментом! Кажется, я вполне заслуживаю того, чтобы получить удовольствие от настоящего искусства, каковым, безусловно, являются навыки этого юноши...

Возможно, отпрыск графа де Бранкаса услышал в последней фразе издевку, и посему, издав негодующий возглас, он с быстротой молнии бросился вперед и даже умудрился острием шпаги один раз задеть рукав своего соперника – впрочем, не причинив этим ни малейшего вреда плоти.

– Заканчивай, дружище! – серьезным тоном посоветовал детина, поднимаясь с подножки. – Нам еще возвращать девицу в Париж...

Мужчина с видимым сожалением вздохнул, парировал хитрый двойной финт, провел уверенное купе, что дало возможность приблизиться к виконту едва ли не вплотную, а затем эфесом собственной шпаги молниеносно нанес удар в висок. Виконт рухнул, будто сброшенная с плеча охотника подстреленная косуля.

– Не убил? – с удивлением спросил детина. – Пожалел?

– Не стоит без веской причины убивать настоящих мастеров фехтования. Ты заметил, Малыш? Он умудрился не допустить ни единой ошибки, хотя сражался без должного освещения!

– И все равно ты мог проткнуть его первым же выпадом! – упрямо возразил здоровяк, которого будто бы в насмешку назвали Малышом. – Скажу больше – ты мог бы вообще не

брать в руки оружия и при этом прикончить его еще быстрее, чем с оружием в руках.

– Все так, но... Шпага этого юноши еще послужит Франции.

– Собираешься порекомендовать его своему родственничку? – с ухмылкой прищурился детина.

– Разве я назвал имя кардинала? – пожал плечами господин в камзоле, вложил клинок в ножны и поднял с травы шляпу. – Служить Франции можно и другими способами.

Из чащи неторопливо вышел волк, лениво оглядел людей, облизнулся и, встав на задние лапы, с интересом сунулся в окошко кареты. Внутри раздался вскрик.

– Не озорничай, Лёлю, – мягко проговорил темно-серый. – Чего доброго, наши и без того напуганные девушки лишатся чувств...

– Уже! – подтвердил детина, отодвигая шторку и заглядывая в карету.

– Ты ведь позволишь нам полакомиться? – раздался тонкий нежный голосок юноши-охотника, все так же стерегущего необъяснимо застывших лошадей.

– Что такое? – нахмурился бледный господин. – Тебе мало бродяг и крестьян с окрестных ферм?

– Субретка! – добавив в голос жеманства, откликнулся юноша. – Чистенькая, беленькая, пахнет вкусно, как и ее госпожа...

– Довольно! – оборвал его мужчина. – Запах крови уда-

рил тебе в голову. Ты знаешь правила. Этих – не трогать. – Юноша в третий раз за вечер фыркнул. – Лучше помоги Малышу перенести виконта в карету. Лёлю, а ты давай-ка перекидывайся обратно. Только не здесь! Вдруг наши дамы соизволят прийти в себя... Твой плащ висит вон на том дереве, помнишь? – Волк постоял в задумчивости, затем, не издав ни звука, развернулся и потрусил в нужную сторону. – И мушкет на обратном пути прихвати! Надо будет вернуть хозяевам...

Молодого д'Армаль-Доре кое-как уложили в ноги дамам, которые находились в спасительном обмороке. Карету с трудом развернули на узкой лесной дороге; для этого юноше-охотнику пришлось «оживить» окаменевших лошадей, и сделал он это способом столь же непонятным, каким до этого заставил их замереть на месте. Испанский жеребец тут же вновь поднялся на дыбы и, оглушительно заржав, мигом растворился в темноте – благо поскакал он по направлению к Фонтенбло, и, следовательно, оставалась надежда, что виконт сможет его отыскать, когда очнется.

Малыш и юноша в охотничьем костюме заняли места кучера и лакея. Перекинувшийся обратно в человека Лёлю с мушкетом в руке вскочил на подножку – его можно было бы принять за точную копию Малыша, и даже длинный плащ поверх обнаженного тела был точно таким же, однако выглядел он лет на двадцать старше своего «близнеца». Карета умчалась, а мертвенно-бледный мужчина еще раз прошелся

по поляне, ногой отпихнул подальше от колеи тело несчастного кучера со сломанной шеей, внимательно осмотрел примятую траву и особенно то место, где стояли нормандцы. Результатом он, по всей видимости, остался доволен, так как готов был уже покинуть место схватки. Однако внезапно ему помешали.

* * *

Странное зрелище представляли два этих существа, которые зорко следили друг за другом, оценивали каждый возможности противника... и, словно два быка одной породы, они были удивительно похожи и яростно ненавидели один другого.

Морис Дрюон, «Железный король»

– Ночной Дозор! Соблаговолите покинуть Сумрак! – с отчетливым провансальским выговором потребовал соткавшийся из теней и лунного света шевалье.

– Помилуйте, месье дозорный! – обернув к провансальцу пергаментное лицо, удивленно произнес господин в темно-сером. – Если Сумраком вы называете La Pénombre⁴, то я и так вне.

Ответ – такой подчеркнуто вежливый, что заставлял задуматься о скрытой насмешке, – мог бы сбить с толку ново-

⁴ La Pénombre – полумрак (фр.).

явленного стража порядка, однако тот постарался хотя бы внешне казаться невозмутимым:

– Извольте представиться и предъявить бумаги!

– Барон де Бреку, месье дозорный, к вашим услугам. Темный. Вампир. – Бледный господин раскланялся.

– Эжен Ля Мюрэн, Светлый, Ночной Дозор Парижа, – скороговоркой выпалил страж порядка и требовательно протянул руку. – Бумаги, сударь, бумаги!

– Надо же! Парижские Дозоры наконец-то дотянули свои алчные ручонки до такого лакомого местечка, как Фонтенбло? – Барон недоверчиво качнул головой. – Ваше лицо мне незнакомо, хотя я знаю большинство гвардейцев Пресветлого коннетабля. Вы, вероятно, новобранец? Впрочем, пустое. Какие бумаги угодно увидеть месье? Мое клеймо вы и так наверняка прочли сквозь *La Rénombré*.

– Я хочу получить от вас подписанное коннетаблями Дозоров дозволение на охоту и убийство в здешних местах.

– Охоту? Убийство? – Лишь губы и брови двигались на пергаментном лице вампира, да и губы-то шевелились вяло, слова произносились неохотно, из одной лишь необходимости. – Прошу прощения, но у меня нет такого письма.

– В таком случае я вынужден арестовать вас, барон.

– Вот как? Что ж, наверняка у вас есть на то основания, но позвольте прежде узнать – а за что?

– Вы еще спрашиваете?! – с возмущением воскликнул провансалец и положил ладонь на эфес шпаги. – А два тру-

па, которые еще не успели остыть?! По-вашему, сударь, это не достаточный повод?

– Ах это... – хмыкнул де Бреку и продолжил вкрадчиво: – Если месье дозорный изволит подойти поближе и посмотреть внимательнее... Неужели вы считаете, что такие раны мог бы нанести вампир? – Он протянул руку к кучеру с перекушенной шеей, затем указал на подлесок, где лежали останки второго тела. – Неужели вас учили, что мы терзаем и обгладываем свою жертву до костей?

Ля Мюрэн на мгновение задумался и привел довод:

– Но я ощущаю на вашей шпаге свежую кровь!

– Ах это... – повторил барон и сделал слабую попытку изогнуть губы в усмешке. – Что ж, тут вы правы, на моем клинке действительно могла остаться капелька. Но неужели, месье, кровь одного человека может являться доказательством моей причастности к убийству двух других?

– Уж не хотите ли вы сказать, что те несчастные и ваша окровавленная шпага никак не связаны?! – ошетинился дозорный.

Барон де Бреку сокрушенно покачал головой:

– Вы не представляете, милостивый государь, как обидно мне слышать такие слова! Всегда-то у вас, Светлых, виноватыми оказываются вампиры! – Он трагично заломил руки. – Вот так выйдешь прогуляться, подышать весенним воздухом, случайно наткнешься на коченеющие в ночи трупы – а тебе уже и кандалы навешивают!

– Случайно? Готовы в этом поклясться?

Де Бреку пожал плечами и ответил:

– Извольте убедиться – я не взял ни капли крови у этих людей! Следы вампирской магии в этом месте также отсутствуют. И да – я даю вам слово, что не убивал этих несчастных.

– Но следы крови на клинке...

– Полчаса назад здесь произошла стычка... между мной и одним дворянином...

– Человеком?

– Безусловно. Однако поединок проходил по всем правилам, я не пользовался Силой. Да и человек тот жив – вы сможете убедиться в этом, если прогуляетесь со мной до Фонтенбло. – Фразы вампира снова стали напевно-вкрадчивыми. – Погода прекрасная, ночь светла и свежа...

– Не заговаривайте мне зубы! – оборвал его Ля Мюрэн.

– Раз вы не верите словам – поверите ли собственным глазам? Если вам так угодно, через четверть часа мой лакей доставит письмо, из которого вы узнаете о моей полной непричастности, и герб, которым будет запечатано письмо, не позволит вам усомниться в правдивости написанного. А пока, в ожидании лакея, не изволите ли отдохнуть в моем кабинете? Садитесь сюда, в это кресло, поближе к столу. Не хотите ли попробовать вина? Рекомендую вот этот сорт. Сам-то я уже не пью... Я велю принести больше свечей, чтобы вам было удобнее рассматривать обстановку. Видите этот портрет, ме-

сье дозорный? Это мой доблестный пращур, побочная ветвь рода дю Плесси...

Осоловело хлопая глазами, Ля Мюрэн постоял посреди роскошного кабинета, затем послушно сделал пару шагов к предложенному креслу, но садиться не стал. Повинуясь жесту хозяина, повернул голову и уставился на портрет, висящий на стене. На лбу дозорного выступили капельки пота, правая рука судорожно вцепилась в рукоять шпаги, дыхание стало шумным и прерывистым. Некоторое время он пытался бороться с чем-то, что одолевало его изнутри, затем обмяк и вынужден был опуститься на краешек кресла, однако тут же подскочил и с искаженным лицом бросился к де Бреку.

– Немедленно сними морок, нежить!

– Немедленно забери назад свои обвинения, сбир⁵! Надеюсь, ты уже понял: будь я виновен, я бы заморочил тебе голову так, что ты и не заметил бы ни меня, ни трупов!

– Еще одно слово – и я буду вынужден развоплотить тебя!

– Еще одно слово – и я оставлю в Полумраке послание, чтобы все Les Autres узнали, как дозорный Ля Мюрэн подкарауливает случайных путников, первых встречных, чтобы развоплотить их за то, чего они не совершали!

Двое стояли посреди лесной дороги, друг против друга, тяжело дыша и испепеляя взглядами каждый своего визави. Еще чуть-чуть – и воздух между ними мог бы заискриться.

⁵ Сбир (от *итал.* sbirro) – презрительное название полицейского агента, сыщика.

ся, вспыхнуть, закрутиться огненным водоворотом! Однако громам и молниям не суждено было разразиться здесь и сейчас.

– Ладно, кровосос, – напряженно проговорил дозорный. – Я считал метку на твоём клейме, я запомнил твоё имя. Только дай мне повод – я найду тебя, и тогда не жди пощады. А сейчас – проваливай!

Несколько мгновений вампир рассматривал Ля Мюрэна, и в его мертвых глазах мелькало нечто, не свойственное нежити, – не то любопытство, не то жалость. Затем он учтиво склонил голову и растворился в ночи.

Глава 2

Салон мадам Рамбуйе

Это было нечто странное, но его первый министр, взявшийся за дела при ужасном состоянии государства, (...) совершил столько чудес, что можно было подумать, что человек, сделавший столько всего, обладал какими-то сверхъестественными способностями.

Гасьен де Куртиль де Сандр, «Мемуары графа де Рошфора»

Отец Жозеф, начальник тайной канцелярии, поднял голову и внимательно посмотрел на свечу, стоящую на краю стола. Огонек колыхался, приплясывал, словно только что рядом с капуцином кто-то прошел; дрожащие тени мешали

сосредоточиться на письме, которое отец Жозеф внимательно изучал. Следом за лепестком огня всколыхнулась и занавесь, скрывающая дверь, что вела в кабинет кардинала. Нет, никто не мог прошмыгнуть туда мимо бдительного помощника, и все же монах перекрестился. Он не боялся, отнюдь! Урожденный Франсуа дю Трамбле, искусство войны он постиг раньше, чем Господь повелел ему надеть рясу, и оружие в его руках держалось столь же крепко, как и вера в сердце. Кто бы ни пожаловал в этот час, капуцин сумел бы постоять за самого себя и за его светлость: не шпагой – так молитвой, не молитвой – так шпагой. Однако никто не пожаловал, виной же невольному дрожанию теней и портьер были проклятые сквозняки Лувра. Да, да, именно сквозняки.

Он вернулся к изучению строк, но мысль уже ушла, сбегала, улетучилась, увлеченная дуновением ветра туда, где за занавешенной дверью в глубокой задумчивости замер в кресле первый министр короля Людовика XIII – Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье. Отец Жозеф покачал головой: он не любил, когда кардинал задерживался допоздна в одиночестве. Это означало, что ум его высокопреосвященства – острый ум ученого и политика – напряженно работает над какой-то очередной проблемой. Ближайший помощник ревниво считал, что любое решение кардинала, принятое без его, отца Жозефа, совета и деятельного участия, в итоге выглядит чуть хуже, чем могло бы. Он вновь перекрестился, прося у Господа прощения за самолюбивые мысли.

Наконец до него донесся торопливый неразборчивый шепот, и капуцин облегченно выдохнул: Ришелье всего лишь репетирует речь, с которой должен выступить на следующей неделе. Речь – это ничего. Много раз проговорив ее самому себе, кардинал непременно позовет советника, начальника своей тайной канцелярии, чтобы повторить вслух и узнать его мнение. Да, да, речь – это ничего. Пусть.

Однако монах даже не подозревал, насколько ошибочны его выводы. Не извечные сквозняки Лувра, неведомо как рождающиеся с заходом солнца и неведомо где растворяющиеся с рассветом, были виной дрожанию лепестка света. Не репетиция обращения к членам королевской семьи заставила кардинала разомкнуть уста в тишине пустого кабинета.

– Сударь, – приглушенно прошептал Ришелье, глядя прямо перед собой и хмурия брови, – я знаю, что вы уже здесь. Извольте сделать так, чтобы я мог вас видеть.

В углу, куда не дотягивался свет масляной лампы, на фоне задрапированных темным бархатом стен проступил силуэт мужчины в дорожном плаще и с широкополой шляпой в руках. Мужчина сделал шаг вперед и, придерживая рукой длинную шпагу, застыл в глубоком поклоне.

– Ну, довольно, довольно, господин де Бреку, – все так же тихо проговорил кардинал и нетерпеливо дернул ладонью. – Распрямитесь и подойдите ближе, я хочу видеть ваше лицо, а не темя.

В свете лампы стало видно, что странный ночной посети-

тель чрезвычайно худ и бледен. Тонкий, с небольшой горбинкой нос, запавшие глаза, заострившиеся скулы – все это делало внешность мужчины неприятной, отталкивающей. Неживые синеватые губы и сухая, пергаментная кожа лица лишь усиливали впечатление, и на ум невольно шло сравнение с мертвецом. Тем не менее кардинала такой облик давно уже не смущал. В свое время, замучившись разбираться со странностями дальнего родственника (так же, как и Ришелье, носящего родовое имя дю Плесси), кардинал махнул рукой на загадки внешности и способностей барона де Бреку. Важнее было то, что этот господин умудрялся выполнять задания самой невероятной сложности. В конце февраля Ришелье отправил своего агента в месячный отпуск – и отсутствие барона не замедлило сказаться на решении некоторых проблем, требовавших виртуозности и полной секретности. Но отдых необходим даже незаменимым людям – это кардинал понимал отчетливо. В конце концов, каникулы где-то в провинции закончились аккуратно тогда, когда де Бреку потребовался для деликатного дела, поручить которое кому-либо еще Ришелье вряд ли бы осмелился. И вот теперь он явился с отчетом.

– Мне сказали, что вас нет в Париже...

– Монсеньор, я прибыл, как только смог, даже плащ не сменил.

– Чем вызвана задержка? – пытливо глядя на барона, спросил кардинал. – Разве все не было окончено еще вчера

ночью?

– Девушка Купе наотрез отказалась покидать Фонтенбло без своего сопровождающего, виконта д'Армаль-Доре. А он по ряду причин был не в состоянии сесть в седло до нынешнего вечера.

– Д'Армаль-Доре? Сын Бранкаса? Он замешан?

– С вашего позволения, монсеньор, он просто влюблен в девушку.

– Вот как! И тем не менее сопровождал ее в Орлеан? Принес свою влюбленность в жертву или просто не догадывался о цели ее поспешного отъезда из Парижа? Впрочем, с ним мы разберемся потом. Что-то еще?

– Там был дозорный, – сообщил де Бреку. – Он ничего не видел, – тут же поспешил добавить он, – но оказался настолько подозрительным, что некоторое время караулил меня...

Ришелье нетерпеливо дернул кистью:

– Это меня вообще не касается! Давайте обойдемся без таких подробностей, сударь. Надеюсь, вы решили эту проблему, а большего мне знать и не требуется.

– Мой отряд к вашим услугам! – Барон вновь изогнулся в поклоне.

– Отряд... – задумался кардинал. – Нет, сын мой, отряд сегодня не понадобится. А вот поменять одежду вам все же надлежит. Дело предстоит конфиденциальное, однако вам придется быть на самом виду.

– Я весь внимание, монсеньор!

– Известна ли вам особа, которую прозвали несравненной Артенис?

– Маркиза де Рамбуйе? – удивленно воскликнул де Бреку, однако на его лице не дрогнул ни единый мускул, словно пергаментная маска не способна была отразить какие бы то ни было эмоции.

– Тише, сударь, тише! – раздраженно прошипел Ришелье. – Да, речь идет именно об этой даме. Мне стало известно, что сегодня вечером в ее доме, во время приема гостей, будет из рук в руки передано письмо... К сожалению, я не всеислен, поэтому остается загадкой, кто именно и кому именно передаст письмо...

Уголки бледных губ де Бреку едва заметно дрогнули. Последнюю фразу Ришелье следовало понимать так, что он считает всеисльным самого де Бреку. Это не соответствовало действительности, и потому барон счел себя обязанным предупредить:

– Вашему высокопреосвященству наверняка известно, что в салоне мадам Рамбуйе постоянно происходит обмен письмами и записками – там собираются поэты и влюбленные, которые заказывают поэтам стихи для своих возлюбленных. Если я не буду знать отправителя и адресата интересующего вас послания – как же я смогу определить нужное письмо среди дюжин других?

Глаза Ришелье сверкнули в свете масляной лампы.

– Сударь, если бы это задание хотя бы выглядело простым, мне было бы достаточно послать в дом маркизы любого из своих слуг. Видите, насколько я доверяю вам? Подобное поручение... – Первый министр короля порывисто поднялся и сделал по кабинету несколько взволнованных шагов; барон, учтиво склонив голову, поворачивался так, чтобы оставаться лицом к кардиналу. – Это дело государственной важности, сын мой. Если бы я располагал временем, я бы наверняка выяснил больше, но как раз времени я лишен. Письмо покинет Париж скорее всего завтра утром, а возможно – уже нынешней ночью. В нем содержится ответ на вопрос, заданный неизвестным своему confidentу из числа приближенных ко двору. Есть основания предполагать, что сей неизвестный ожидает письмо в Брюсселе, а в салоне Рамбуйе послание попадет в руки тому, кто передаст его по назначению. Что касается содержания... Там будет ответ на вопрос, не ждет ли королева наследника.

Тонкие брови де Бреку слегка приподнялись.

– А она ждет?

– Ах нет же, сударь! Да и нет в данных обстоятельствах никакой разницы, ждет или не ждет. На все воля Божья, мы молимся о том, чтобы у Людовика поскорее появился сын. Важнее другое: почему наш неизвестный заинтересовался этим вопросом сейчас, как он намеревается использовать полученную информацию, в чем он хочет удостовериться, что предпринять после этого. Сядьте, Бреку, сядьте.

Поздний гость рабочего кабинета кардинала не был силен в дворцовых интригах, а уж тем более – в интригах масштабных, с вовлеченными представителями других государств. Ему бы и в голову не пришло подозревать крамолу в безобидном на первый взгляд интересе. Что может дать злоумышленнику владение такой информацией? Как может быть связано ожидание ребенка с государственными проблемами? Если бы, например, уже родился сын – он стал бы наследником престола. Но пока сына нет – и говорить не о чем! Жили же Людовик и Анна много лет в браке, не имея при этом детей, – и ничего! Так почему же сегодня беременность королевы (или отсутствие оной) становится настолько важным предметом чьего бы то ни было обсуждения? Сам бы он никогда не смог разгадать эту загадку, но кардинал совсем не стеснялся размышлять вслух:

– Если Бог не послал Анне счастье забеременеть – наши недоброжелатели могут воспользоваться этим и подослать ей любовника. Таким образом они смогут оказывать влияние на ее капризы и решения. Ситуация во Франции беспокойная, казна практически опустошена несоразмерными запросами двора, Испания диктует нам условия, словно Париж – ее провинция. Реформы, которые я провожу, пока не приносят должного результата, народ ропщет, армия вот-вот разбежится... – Ришелье нервно прижал ко лбу ладонь, словно хотел убедиться в наличии или отсутствии у себя жара. – В данной ситуации мы никак не можем позволить, чтобы наша

королева еще больше раскачала побитую в штормах лодку. Понимаете, Бреку? Впрочем, Брюссель, где уже давно что-то назревает и куда может быть направлено письмо, — это лишь один из вариантов. Я не исключаю вероятности, что получатель письма находится ближе, чем мне хотелось бы. Вы ведь слышали о замке Дампьер? Там сейчас находится госпожа де Шеврез, особа, как вы знаете, весьма искушенная в вопросах любовных историй. Если адресат — она, то в ближайшее же время к нам может пожаловать один из ее приближенных. Целью, разумеется, будет соблазнение молодой королевы, а потом... — Он безнадежно всплеснул руками. — Перехватив письмо, мы, конечно, не избавимся от проблем, герцогиня де Шеврез не оставит попыток впутать королеву в непристойную авантюру. Но мы выгадаем время. Время! Ах, Бреку, как оно мне сейчас необходимо!.. А если я ошибаюсь? Может быть, здесь следует вспомнить об испанском происхождении Анны? Ее переписка с братом подчас возмутительна! — Он шумно выдохнул. — Слушайте меня внимательно, сударь! Каким бы безобидным ни выглядело послание, мне нужно, чтобы оно не покинуло пределы Парижа. Причем сделать это необходимо так тихо и незаметно, чтобы никто в салоне и не приметил, когда и как пропало письмо. Еще лучше, если бы подмену или пропажу обнаружили уже в пути.

— Монсеньор, — медленно, с видимым трудом произнес барон де Бреку. — Вы прекрасно знаете, для каких дел я приго-

ден более всего. Ночные улицы и погони, схватки с неудобными, бесшумное убий...

– Тс-с! Вы с ума сошли! – Кардинал осенил себя крестным знаменем. – Я понял, продолжайте, но извольте обходиться без таких подробностей!

– Прошу прощения, монсеньор! Я хотел сказать, что салон, где собираются дамы и пахнущие дамской пудрой вельможи, где канделябры с сотнями свечей режут глаза, где оды прекрасным нимфам приторны до тошноты, – это совсем не те обстоятельства, в которых меня разумнее всего использовать. Незаметно выкрасть или подменить письмо будет проще человеку, который выделяется из общества завсегдатаев салона не столь явно, как я. Пошлите к маркизе де Рамбуйе кого-нибудь другого! Моя преданность вам не станет от этого меньше.

– Вы забываетесь, сударь! – прошипел Ришелье, стремительно пройдясь по кабинету и упав в свое кресло. – Не думайте, что у меня нет других вариантов. Но горе вам, если вы узнаете, что я воспользовался ими!

Барон почтительно опустил глаза и смолчал.

– Ступайте! Не забудьте переодеться, прежде чем явитесь в салон. И поторопитесь! Гости наверняка уже съехались.

* * *

Если в дневное время еще можно было встретить

прохожего, то с наступлением темноты всякое движение тут затихало, ибо в те времена улицы по ночам превращались в воровские притоны, а ночные дозоры были редкостью.

Александр Дюма, «Графиня де Монсоро»

Особняк Пизани, который с легкой руки завсегдатаев называли не иначе как «салон мадам Рамбуйе», располагался неподалеку от королевского дворца, на небольшой улочке Сен-Тома-дю-Лувр. Местами мощенная булыжником, а местами просто укатанная колесами карет и повозок, эта улочка спускалась с севера на юг, между дворцом Тюильри и Лувром, к набережной Сены. Салон еще не удостоился той популярности, каковой ему суждено достигнуть во второй четверти XVII века, однако уже сейчас здесь можно было встретить поистине интересных, хоть и не слишком знаменитых представителей дворянства. В отличие от обычных домов, открытых для приема в то время, салон маркизы де Рамбуйе представлял собой не один большой зал, а несколько связанных меж собой гостиных. В них было удобно уединяться компаниям, обсуждающим разные, порой взаимоисключающие темы. Никто не мешал посетителям перемещаться из одной гостиной в другую, таким образом находя общество и беседу, наиболее соответствующие настроению и вкусу. В свою очередь, и компании не мешали друг другу, и если в одной комнате слушали скрипки, то в другой спокойно могли декламировать стихи, не напрягая горла.

Сама маркиза принимала своих «придворных» в голубой спальне. Обладая по моде тех лет весьма хрупким здоровьем, она практически не покидала алькова, однако даже полулежа среди голубых с золотом подушек, укутанная в сиреневую парчу и кружева, мадам Рамбуиэ благосклонно и с удовольствием принимала оказываемые ей знаки внимания и милые презенты. Даже если что-то и ускользало от ее чуткого слуха – всегда находились любезные друзья, которые охотно пересказывали любопытной хозяйке содержание бесед в других гостиных.

Здесь, в присутствии маркизы, общались исключительно на *français soutenu* – французском возвышенном; иначе говоря, на утонченном языке сливок общества. Если даже при дворе Людовика XIII можно было услышать простецкое «Собака побежала по улице», то дворянин, присутствующий в салоне, выражал все то же самое словами куда более благородными: «Изящная послушница богини Артемиды устремилась в туманную даль городской эспланады». Именно здесь, в красивом особняке на Сен-Тома-дю-Лувр, прелестные дамы и галантные кавалеры оттачивали свое красноречие и приобретали навыки в новом, пока еще непривычном, но таком очаровательном эпистолярном жанре.

Николя Бриссар не стал надолго задерживаться в спальне маркизы. Искать письмо, а вернее, его обладателя следовало дальше, в одной из гостиных, где, разгоряченные вином и

спорами, на все лады развлекались посетители салона. Пройдя анфиладу комнат до самого конца и поприветствовав всех гостей без исключения, Николя двинулся обратно – уже медленнее, будто действительно прислушивался и выбирал, возле какой компании остановиться. На самом же деле его неторопливость была вызвана тем, что каждого из «придворных» маркизы он теперь рассматривал еще и через *La Rénombrée*. В третьей по счету гостиной он, к своему удивлению, обнаружил Светлого дозорного. Кажется, того звали Фюмэ. Да, точно, Фюмэ! Собственно, Николя удивило не само присутствие Светлого – салон мадам Рамбуйе становился все популярнее, и, разумеется, *Les Autres* не могли обойти своим вниманием этот особняк. Тем не менее, если бы Фюмэ оказался здесь в ранге обычного скучающего бездельника – это многое бы объяснило. Однако Светлый не только изменил свою внешность, что не позволило Бриссару еще при первом проходе сквозь череду комнат признать его, но и в ауре дозорного явственно мерцала метка особых полномочий. Следовательно, он находился здесь по службе. Сие пахло скверно. Капитан дежурного караула не предупреждал о том, что в доме маркизы окажется противник. Одно дело – проследить, чтобы письмо было в целости и сохранности передано по назначению, и совсем другое – еще и приглядывать за официальным представителем Ночного Дозора, наделенного особыми полномочиями. Что, если он здесь по тому же поводу? Что, если как раз намеревается помешать посланию

попасть из одних рук в другие?

Через несколько мгновений положение еще более осложнилось – камердинер маркизы объявил о прибытии еще одного гостя:

– Месье Этьен дю Плесси, барон де Бреку!

«Очаровательно! – невесело усмехнувшись, подумал Николя. – Общество поэтов и трепетных девиц – самое место для кровососа, не так ли?»

Если до сего момента Бриссар сомневался в причинах присутствия в салоне Светлого дозорного, то теперь окончательно уверился в том, что письмо является предметом интереса как минимум трех сторон. Не только Рауль д'Амбуаз, Пресветлый коннетабль Парижа, возглавляющий Ночной Дозор, охотится за посланием, но и его высокопреосвященство, видимо, ведет свою игру на этом поле. Любопытно, чью сторону примет де Бреку в случае открытого столкновения? Он, конечно, Темный, но в обществе, к которому причислял себя Николя Бриссар, давно уже ходили разговоры, что первый министр короля Людовика проводит в стране реформы, выгодные в первую очередь Светлым. Низший Темный на службе у обычного человека, который, пусть даже невольно, претворяет в жизнь идеи Светлых, – экий нонсенс!

Николя снова усмехнулся: как же везет некоторым! Если он верно помнил, еще отец Светлого дозорного Фюмэ, адвокат, пытался приобрести дворянский титул на гражданской службе, а сам Николя Бриссар пошел по пути *la noblesse*

d'érée – дворянства шпаги, приобретаемого службой военной. Но оба они не преуспели в этом. Де Бреку же был дворянином потомственным, да еще и из рода дю Плесси! Низший Темный, который выше тебя по рождению и статусу, – это печально и унизительно, пусть и не играет решающей роли в мире Теней.

Барон, скованно раскланивающийся с дамами и кавалерами, постепенно добрался до гостиной, в которой уже находились Фюмэ и Бриссар. Всего лишь один взгляд на собравшихся здесь определил его решение: какой смысл двигаться дальше, если все интересное, похоже, произойдет в этой комнате? Оглядевшись, де Бреку нашел себе местечко в углу – там он оставался в тени, а обзор ему открывался приличный.

В этой гостиной собралась совершенно неоднородная публика – тут были и представители знати среднего уровня, и великовозрастная дочь герцога Бельгарда, чье легкомыслие вызывало толки, и некий юноша, прибывший из провинции и впервые приведенный на светский прием своей тетюшкой, престарелой графиней де Лож, покровительствующей рифмоплетам. Юноша, смущенный и взбудораженный своим присутствием в знаменитом салоне, буквально пугал ярким румянцем щек, однако вместо того, чтобы молча оглядеться и пообвыкнуться в обществе, изо всех сил старался, чтобы его заметили: вставлял реплику в каждый диалог и в связи с этим краснел еще больше.

– Правда ли, что кардинал намеревается построить в Анжене дворец и перебраться туда из Лувра? – спрашивала великовозрастная дочь герцога Бельгарда у всех сразу, предлагая очередную тему для беседы.

Взоры многих присутствующих сразу же обратились к де Бреку, поскольку в Париже было известно, кому служит барон. Однако провинциальный юноша, подскочив от нетерпения, тут же выпалил:

– Не далее как сегодня я имел честь видеться с господином Лемерсье, архитектором. Он был столь любезен, что показал мне один чертеж... О, господа, это будет нечто величественное и прекрасное! Пале-Кардиналь – вот как будет называться дворец!

– Не взревнует ли король? – подал голос кто-то из гостей.

Вопрос был задан не просто так. Некоторое время назад, когда кардинал Ришелье приобрел поместье Анжен с целью реконструкции, по всему Парижу пошли гулять слухи, что сей факт несколько ослабил отношения между монархом и его первым министром. Однако Ришелье в этом вопросе, как и во многих других, оставался непреклонен – по его словам, блеск и роскошь двора мешали ему сосредоточиться на своих обязанностях, а постоянные интриги омрачали его дух. Работать так, чтобы не находиться на виду, служить государю в покое и подобающей священнослужителю скромности – вот чего добивался кардинал, покупая поместье напротив королевского дворца. Теперь же выяснялось, что дворец Ри-

шелье обещает быть величественным и прекрасным...

Развить тему, увы, не удалось: распорядитель салона Венсан Вуатюр, это связующее звено всех компаний, этот остролов и придумщик, привел в гостиную «штучную персону» – так у мадам Рамбуиэ называли людей, приглашенных намеренно и зачастую всего единожды. Бродячие актеры и шуты, безвестные художники и очень даже известные колдуны-предсказатели из Сент-Антуанского предместья (липовые колдуны, разумеется, совсем не Иные), прославленные неотесанные рубаки и девицы с пикантным прошлым – здесь годилась любая экстравагантная личность, лишь бы ее появление доставило удовольствие посетителям, дало повод для разговоров и увеличило популярность особняка на Сен-Тома-дю-Лувр.

– Дамы и господа! – тоном заговорщика произнес Вуатюр, всем своим видом выражая загадочность. – Имею честь представить вам нашего почетного гостя! По некоторым причинам я не могу назвать вам его имя, поскольку, говорят, слух его величества соперничает с быстротой его шпаги и всепроникающим ароматом его душистой воды. Поэтому назову вам только прозвище нашего дорогого друга, талантливейшего и ироничнейшего уличного поэта. Встречайте, дамы и господа! Перед вами – месье Трувер!

При словах «почетный гость» и «дорогой друг» вошедший успел дважды приосаниться и дважды же вздернуть подбородок, что, должно быть, означало согласие с эпитетами,

которыми его наградила Вуатюр, и намекало на наличие самолюбия и гордости даже у уличных поэтов. (Фраза «талантливейший и ироничнейший» вызвала на губах Трувера подобие снисходительной и даже грустной усмешки, но тут не было ничего удивительного, ибо каждый поэт рано или поздно преодолевает осознание данного факта о себе самом). Шутка ли – изображать в своих песенках чванливых и глупых господ, а теперь попасть в центр набитой ими гостиной! Тут нужно было обладать либо отчаянной смелостью, к которой расположены люди гордые, либо презрением ко всем и вся, что отличает людей недалеких, но весьма самолюбивых. Осталось разобраться, к какому типу относился гость. Впрочем, судя по аплодисментам, улыбкам и вспыхнувшим глазам, кое-кто из присутствующих не только слышал о Трувере, но и был знаком с его творениями.

Бриссар относился к тем, кто знал парочку недурных его стишков, очень точно и смешно описывающих его высокопреосвященство. Интересно, заметил ли Трувер сидящего в уголке де Бреку, распознал ли в нем дворянина, находящегося на службе у кардинала? Если так – представление обещало быть забавным.

Тут случился казус, который очень кстати заставил присутствующих обернуться в сторону барона. Дело в том, что меж посетителей постоянно сновали виночерпии, наполняющие опустевшие бокалы гостей, и слуги, предлагающие всевозможные угощения. В очередной их заход появились под-

носы с миниатюрными пирожными. Если от вина де Бреку категорически отказывался, то проявить неуважение к хозяйке дома, отказавшись и от десерта, он не мог себе позволить. С некоторой растерянностью разглядывая разноцветные сладости, барон наконец выбрал два пирожных: одно – с золотистой корочкой, другое – мягкое, цвета спелой вишни. Искоса взглянув на тех, кто уже вовсю пробовал и нахваливал творение личного повара мадам Рамбуье, де Бреку и сам откусил от того, которое с корочкой. Мгновенье – и барон, согнувшись пополам, выплюнул кусочек в носовой платок и закашлялся так сильно, что из соседней гостиной заглянули несколько любопытных. Капельки слюны и крошки брызнули из-под ладони де Бреку, и после ему пришлось долго извиняться перед присутствующими за такую неприязнь. Слуги моментально протерли испачканный пол, самые вежливые из гостей сделали вид, будто ничего не произошло, и только Фюмэ злорадно улыбался, понимая, в чем дело. Да и Бриссар прекрасно это понял. Барон, как и любой кровосос, не переносил вина. Дабы избавиться от вопросов, де Бреку сам запустил легенду о том, что содержит какую-то невероятную по размерам псарню, где собраны представители всех известных пород. Собакам, как известно, не нравится запах, исходящий от хозяина, перебравшего с друзьями бургундского или даже хереса. А барон, по собственному признанию, якобы очень любил собак. Не больше людей, но куда больше вина. Поначалу такая причуда вызывала мно-

жество насмешек – лишить себя одного из сильнейших удовольствий в угоду псам! Однако постепенно парижане привыкли и смирились. Сейчас же де Бреку не учел того нюанса, что повар мадам Рамбуиё пропитывал свои десерты, а пирожное с золотистой корочкой, выбранное бароном, было и вовсе пропитано не чем-нибудь, а «жженым вином» из Шаранта. Трудно было даже представить, что сейчас творилось со ртом и пищеводом кровососа! Однако он был вынужден терпеть, поскольку, по всей видимости, никак не мог покинуть свой пост. Жаль. Николя предпочел бы, чтобы помеха в лице барона ретировалась.

– Ах, какой необыкновенный вкус у этого пирожного! – воскликнул розовощекий юноша, которому на вид было всего-то лет шестнадцать. – Мне кажется, я угадал его! Это вкус brandewijn! Я пробовал его во время путешествия, по пути из Ганновера! Фламандцы на севере называют его просто brandy, а в Париже он почему-то еще не пришелся по вкусу. Уверяю вас, господа, за этим напитком будущее!

Казалось, про барона все окончательно забыли: мужчины и женщины с легкой иронией переглядывались – этот забавный мальчик, племянник престарелой графини де Лож, пытался произвести впечатление.

Поэта Трувера уговорили прочесть какое-нибудь сатирическое произведение. Надувая щеки от осознания себя настоящей жемчужиной если и не всего салона, то как минимум данной гостиной, Трувер прошел в центр и, чтобы ни

у кого не оставалось сомнений, громогласно объявил, что прочтет экспромты, пришедшие ему на ум при знакомстве с некоторыми присутствующими. Утвердившись в середине комнаты в нарочито небрежной позе, он, глядя в потолок, начал:

В своей тарелке без сомненья
Смешавши золото и медь,
Он все бледнел от несваренья,
Когда уж некуда бледнеть.

Так и в других делах негоже
Мешать в одно и Дух, и Грех:
Ты иль сиятельный вельможа —
Иль тень в чужой большой игре.

С таким-то несвареньем — в Рай?!
А нам за вами подтирай...

Присутствующие замерли, ошарашенные неслыханной наглостью слов. Бриссар едва не открыл рот. Вот так так! Будь Трувер дворянином — вызов на дуэль ему был бы обеспечен! Однако как поведет себя де Бреку, который не мог не сообразить, кому посвящен стих?

Барон некоторое время сидел молча, обдумывая продекламированное Трувером, затем, к пущему изумлению посетителей, учтиво склонил голову, будто признавая за по-

этом право на подобную выходку. Фюмэ, Бриссар, да и все остальные попросту не могли поверить своим глазам: де Бреку сидел как ни в чем не бывало и, судя по всему, готовился слушать дальше. Даже напыщенный идиот Трувер, вздернувший нос к потолку, — и тот покосился на барона, желая удостовериться в произведенном впечатлении. Но пергаментное лицо де Бреку не выражало никаких эмоций. Поэту это явно не понравилось, злобная гримаса исказила на мгновение его лицо, но он довольно быстро справился с собою.

— Ну что ж? Продолжим! — бодрым тоном возвестил он и не стал заставлять гостей ждать:

По вечерам в салоне каждом
Нетрудно встретить сей типаж —
Он удовлетворяет жажду
Проникнуть в свет. Какой кураж!

Ему положены по роли
Любой костюм и текст любой.
Безродный никчemuшный кролик
С безусой розовой губой —

Еще не понял ты, дружище,
Что лишь для анекдотов пища!

Несчастный юноша, еще недавно с восторгом рассуждавший о своем знакомстве с Лемерсье и достоинствах «жжено-

го вина», не веря в происходящее, вытаращил глаза и покраснел до кончиков ушей. Казалось, еще чуть-чуть – и брызнут слезы обиды и ярости. Он не был готов к такой агрессивной и беспричинной атаке, он понятия не имел, как себя вести в подобной ситуации. Этот беспомощный розовощекий кролик, как метко назвал его Трувер, вертел головой, глядя то на обидчика, то на де Бреку, и все не мог решить, как ему следует поступить. По-хорошему, надо бы взять за шкуру грубияна и спустить с крыльца. Но раз тот худой и бледный барон, по персоне которого острослов тоже прошелся, сидит и ничего не предпринимает... Может, тут так принято? Может, такие стишки служат для удовольствия одних и воспитания самообладания у других?

На его счастье, в гостиную впорхнула Жюли – старшая дочь маркизы де Рамбуйе, которой не было и семнадцати и которая практически с рождения воспитывалась в салоне. Не обладая какой-то особенной красотой, она тем не менее была прелестной девушкой, любимицей всех без исключения посетителей. Сказав словечко там, пошутив тут, Жюли мгновенно вызвала улыбки, и даже «кролик» теперь краснел не от унижения, а от смущения – Жюли не могла не понравиться ему.

Однако то, как расслабились гости, вызвало раздражение поэта, о котором все словно забыли. Все еще стоя в центре комнаты, он откашлялся, привлекая, а вернее – возвращая себе внимание, и тут же затараторил:

Уж если мать ее в алькове Лежит в сиреневой парче...

– Довольно! – вдруг прервал его негромкий, но чрезвычайно выразительный голос. – Остановитесь, сударь. Наше с юным виконтом смирение не должно побуждать вас к низости по отношению к юной мадемуазель Жюли.

Жюли, пропустившая предыдущие выступления поэта, ничего не понимала, но улыбнулась еще светлее, чем прежде.

– О! Господину барону пришлось не по вкусу мои скромные строки? Может быть, господин барон желает обсудить их наедине? Возможно, на пустыре возле Турнельского дворца?

«Так это ловушка! – сообразил наконец Бриссар. – Рифмоплету во что бы то ни стало требуется принудить де Бреку к поединку! Вот так так! Но он же не может не понимать, что дворянин не станет марать руки о какого-то уличного поэтишку...»

Уголки губ де Бреку чуть дрогнули, а сам он поднялся со стула и вышел из своего угла.

– Как вам должно быть известно, сударь, – любезным тоном произнес барон, – еще король Генрих Четвертый своим эдиктом запретил обсуждать чьи-либо поэтические строки наедине. Особенно на пустырях.

– Даже если эти строки напоминают личное оскорбление?! – снова не к месту вспыхнул «безусый кролик»; он был

до того взволнован происходящим, что, не выдержав, выскочил на середину гостиной, едва не столкнувшись с Трувером.

– Особенно! – подчеркнул де Бреку и слегка поклонился «кролику». – Особенно если они напоминают личное оскорбление, мой юный друг! Вот кабы некто не испугался в нашем присутствии поносить в непристойных выражениях Францию... Да, это можно было бы счесть поводом для наказания. Я имею в виду – действенного наказания.

Барон, приподняв брови, в упор уставился на Трувера. Тот побагровел. Разумеется, ему требовалось спровоцировать барона, но не такой ценой. Если до сей поры народ на площадях, да и некоторые представители сливок высшего общества довольно благосклонно встречали его оды и сонеты и даже поощряли его на создание новых сатирических куплетов, то теперь он весьма и весьма рисковал. Вот так скажешь недоброе слово о Франции – и завтра же имя твое станет моветоном, не говоря уже о творчестве.

– Что ж, извольте! – наконец с вызовом ответил он. – Та страна, в какую превращают Францию Красный герцог и его прихвостни, не достойна ни одного упоминания в книгах, которые летописцы оставляют для наших потомков!

Бриссар ухмыльнулся: как же быстро господин поэт перешел от стихов к прозе!

– Я удовлетворен подобной формулировкой, месье, – поразмыслив, кивнул де Бреку. – Сказанное вами можно признать достаточным основанием для того, чтобы мы уедини-

лись для продолжения беседы. Но, честно говоря, я попросту не представляю, как мне поступить. – Он с сожалением развел руками. – Я не уединяюсь с теми, чье настоящее имя мне неизвестно. Ведь может статься, что порка на конюшне – это все, на что может рассчитывать тот, кто оскорбил Францию в моем присутствии.

Трувер сверкнул глазами и сделал порывистый шаг. При этом он случайно отпихнул плечом некстати застрявшего посреди комнаты «кролика».

– Сударь! – возмущенно воскликнул юноша и схватился за шпагу. На счастье, Фюмэ, оказавшийся поблизости, придержал его за локоть, давая понять, что у него еще будет шанс поквитаться с дважды оскорбившим его поэтом, но сначала нужно дождаться завершения той сцены, что уже в разгаре.

Тем временем Трувер, приблизившийся вплотную к де Бреку, нагнул голову, заставив Бриссара мысленно хохотнуть: со стороны было похоже, что поэт намеревается укунить кровососа в шею. На самом же деле Трувер всего лишь шепнул что-то барону на ухо.

– Это меняет дело, – кивнул де Бреку. – Тогда я буду к вашим услугам... скажем, на рассвете.

– Нет, месье! – яростно прошипел Трувер. – Немедленно! Сейчас!

– Господа, господа! – возбужденный происходящим, вклинился между соперниками Вуатюр, распорядитель са-

лона. – Я прошу вас поумерить свой пыл! Все-таки вы сейчас находитесь в доме, принадлежащем благородному семейству! Не нужно бросать на него тень! Проявите уважение к маркизе и снисхождение ко мне!

Бриссару происходящее стало напоминать фарс. Уж не разыгрывают ли участники заранее распределенные роли? Сейчас де Бреку попросят удалиться, и некоторое время он будет занят дуэлью с Трувером. Кому же понадобилось удалять отсюда де Бреку? Неужели в этом замешан Фюмэ и стоящий за ним Ночной Дозор Парижа? Николя взглянул на спектакль сквозь *La Rénombré*. Гнев, негодование – это эмоции, преобладающие в аурах юноши и поэта. Беспокойство – основа для красок в ауре Вуатюра. Фюмэ – полностью закрыт от чтения мыслей и чувств. Де Бреку внешне спокоен, но разве можно прочесть в ауре кровососа хоть что-то, кроме извечной жажды и ярости? Если, конечно, в настоящий момент кровосос подвержен приступу того или другого, а барон явно не был ни голоден, ни рассержен сверх меры... Эмоции прочих гостей – праздный интерес, любопытство, желание немедленно поделиться столь пикантной новостью хоть с кем-нибудь... Глупые, глупые люди!

В какой-то момент Николя поймал взгляд барона, направленный на Светлого Фюмэ. Светлый даже не обернулся к кровососу. Складывалось впечатление, что дозорный предоставил барону самому решать свои проблемы. Если Ночной Дозор и предъявит впоследствии вампиру претензии по по-

воду дуэли с обычным человеком, то сейчас Фюмэ гораздо выгоднее, чтобы барон исчез из салона мадам Рамбуйе. А письмо... Ну а что письмо? Придется кардиналу обойтись без оногo, ибо де Бреку обязан принять вызов (да он, собственно, уже принял его!) и удалиться, а выкрасть письмо через Сумрак кровососу не позволят ни Фюмэ, ни сам Бриссар. Не повезло!

Барон как раз проходил мимо, и Николя не удержался, протянул ему руку. Де Бреку рассеянно посмотрел на ладонь Темного, мыслями находясь где-то далеко.

– Вы поступили благородно, сударь! – искренне сказал Николя. – Покорно стерпев насмешки в свой адрес, вы тем не менее вступились за честь дамы... Я удивлен. Про вас говорят всякое...

– Про меня или про наше племя? – усмехнулся барон.

Бриссар несколько смутился и замешкался с ответом.

– Запомни, Темный, – равнодушно сообщил барон, – дворянином я стал на сорок лет раньше, чем кровососом. Трудно, знаешь ли, избавиться от хорошего воспитания. Даже если постоянно приходится иметь дело с наглецами и падалью.

* * *

– Без секундантов, без свидетелей... – недовольно пробурчал Трувер, которому и тут необходимы были зрители.

– Ничего страшного, сударь, – меланхолично ответил де

Бреку, левой рукой пробуя шпагу на упругость и вставая в позицию. – К бою!

Поэт скинул плащ и шляпу, вынул шпагу из ножен, посмотрел на своего противника – и неожиданно рассмеялся:

Как углядеть мне взором цепким
За шпагой этакую щепку?

– Ну все, довольно! – раздраженно ответил де Бреку, но тут же и сам едва заметно улыбнулся и опустил оружие; теперь он заговорил совсем другим тоном: – Действительно, уже достаточно. Я проверил – никто за нами не увязался.

– Караулят письмо?

– Бдительно караулят!

Трувер расхохотался, барон снова чуть заметно изогнул губы и требовательно протянул руку.

– Надеюсь, вы оценили, господин барон, как искусно все было проделано? Лишь одно касание плечами с этим юнцом – и все, подмена состоялась в наилучшем виде!

Поэт, покопавшись за пазухой, вынул конверт, скрепленный неразличимой в темноте печатью. Однако отсутствие освещения не смутило де Бреку, он пробежал глазами по имени получателя.

– Что там? – любопытствовал Трувер.

– Занимайтесь тем, что у вас лучше всего получается, сударь. Карманов на ваш век хватит. Одежду, кстати, можете

оставить себе и потом использовать в представлениях своего уличного театра. Но лучше – продайте. Кстати, о плате...

С этими словами де Бреку убрал в карман письмо и ки-нул своему недавнему противнику мелодично позвякиваю-щий мешочек.

– Господин барон, а можно я и дальше буду всем говорить, что стихи про бледность и про безусого кролика сочинил я, а не вы?

Де Бреку, не успевший еще убрать шпагу в ножны, погро-зил вору острием.

Глава 3

«Лилия и крест»

*– Прежде всего, я не вставал в пять часов утра, – улыбаясь, ответил кардинал. – Я еще не ложился, только и всего. В ваше время, господин де Сюлли, может быть, ложились поздно и вставали рано, но все-таки спали. В мое время уже не спят.
Александр Дюма, «Красный сфинкс»*

Едва различимая тень стремительно неслась над спящим городом. Шелестели крылья, сверкали отраженным звезд-ным светом глаза гигантского нетопыря.

С момента появления де Бреку в кабинете кардинала в Лувре прошло чуть более пяти часов: именно столько потре-бовалось барону, дабы в деталях разработать всю операцию

по подмене письма, найти исполнителя на роль поэта Трувера и должным образом подготовить его. Стихи де Бреку сочинил буквально на пороге особняка Рамбуйе, едва только рассмотрел сквозь Полумрак присутствующих, в частности – «безусого кролика», которому в этот вечер суждено было стать жертвой острого языка лже-Трувера. Надо отдать должное уличному актеру, а по совместительству – фокуснику и карманнику (жизнь учит нас, что порою это одно и то же): тот так быстро вжился в роль, так быстро выучил стихотворный «экспромт», переданный ему бароном, что ни у кого из присутствовавших в салоне не возникло и тени сомнений.

Само представление в гостиной заняло не больше часа. Но теперь уже перевалило глубоко за полночь, и искать Ришелье в Лувре не имело смысла. Тем не менее это вовсе не означало, что кардинал закончил с делами и лег спать, и сейчас де Бреку, перекинувшись в летучую мышь, направлялся к его апартаментам. К слову, если бы «дуэль» действительно состоялась возле Турнельского дворца, к особняку Ришелье можно было бы пройти пешком – достаточно было бы всего лишь пересечь площадь, однако с лже-Трувером барон расстался гораздо раньше, в переулке за церковью Сен-Жерве, и теперь преодолевал оставшееся расстояние по воздуху.

Прежде чем опуститься на землю, нетопырь, дабы удостовериться в отсутствии невольных свидетелей, дважды облетел по периметру квадратную площадь, ныне известную нам

как площадь Вогезов, а тогда называвшуюся Королевской. Но даже убедившись, что та пуста, а из окон респектабельных апартаментов не выглядывают ни их владельцы, страдающие бессонницей, ни прислуга, страдающая бездельем, — даже убедившись в этом, вампир предпочел вернуть себе человеческий облик за углом соседнего здания — особняка, принадлежащего Марион Делорм. О любовной связи герцога де Ришелье с этой юной парижской куртизанкой шептались даже самые ленивые до сплетен придворные (хотя таких, как известно, в природе не существует), однако у де Бреку было собственное мнение на этот счет: да, соседство на Королевской площади не случайно, но причина — не в нежных чувствах, а в тех услугах, которые Марион оказывала кардиналу. Девушка Делорм добывала самую конфиденциальную информацию из самых непредсказуемых источников, и барон не был бы удивлен, если бы оказалось, что и о направляющемся в Брюссель сообщении его высокопреосвященство узнал от нее.

Ришелье он застал в библиотеке. Несмотря на то что часовая стрелка уже близилась к трем, первый министр еще и не думал ложиться.

— Ну? — коротко спросил он. — Вам удалось добыть письмо?

— Разумеется, монсеньор, — с поклоном ответил де Бреку и протянул послание.

Кардинал быстро прочитал имя в адресе, затем искоса

взглянул на барона:

– Что скажете?

– Если вашему высокопреосвященству угодно знать мое скромное мнение, то я поражен вашей проницательностью. Послание действительно уже утром покинуло бы Париж с племянником графини де Лож – этот мальчик путешествует по Европе, и в нем крайне трудно было бы заподозрить гонца.

– Предположу, что этим и воспользовались: незачем посылать специального человека, если есть другой, который так или иначе окажется в нужном городе, не вызывая подозрений.

– Однако мне не удалось выяснить, куда он должен был направиться в первую очередь – в Дампьер, в Брюссель или в Мадрид. Хотя если монсеньор позволит мне высказать свое мнение – я бы поставил на Дампьер.

Кардинал вновь взглянул на послание.

– Имя получателя вам о чем-нибудь говорит?

– Аглая Мишон? Увы, нет. Впрочем, я не удивлюсь, если и тут вы оказались правы, монсеньор: эта Мишон либо может быть доверенным лицом де Шеврез, либо сама герцогиня называет себя так в тайной переписке.

– Возможно, сын мой, возможно, – задумчиво проговорил кардинал. – А что вы скажете об отправителе?

О, об отправителе барон мог бы сказать с полной уверенностью! Хотя снаружи значилось имя одной из фрейлин,

само письмо все еще хранило отпечаток эмоций Анны Австрийской, и де Бреку ни мгновения не сомневался, что текст внутри написан рукой королевы. Однако показывать свою осведомленность перед кардиналом он счел излишним и потому изобразил удивление:

– С этой особой я не знаком, монсеньор.

– Вы вскрывали письмо, читали его? – пристально глядя в глаза де Бреку, строгим голосом спросил Ришелье.

– Нет, монсеньор, – честно ответил барон.

– Как же вы можете быть уверены, что это то самое письмо?!

– Поверьте, монсеньор, это именно оно, – смиренно склонив голову, произнес барон.

– Никаких сомнений?

– Никаких.

– Что ж, Бреку, я доволен. Вы решили эту задачу. Ступайте; вам, верно, следует отдохнуть. Но пока я бы попросил вас не уезжать из Парижа – вы еще можете мне понадобиться в самое ближайшее время.

– Вы знаете, как меня найти, монсеньор.

LAMIA DICIT⁶

Возможно, правильное было бы покинуть библиотеку

⁶ Вампир говорит (лат.).

незамедлительно. Тем не менее я позволил себе задержаться на несколько мгновений, дабы по возможности узнать настоящий ответ на загадку. Раз поручение выполнено – ничто не мешает Ришелье позвать отца Жозефа (который, разумеется, и сейчас был поблизости – укрылся на время моего визита в комнатухе за потайной дверцей) и обсудить с ним то, над чем я вынужден ломать голову. Клянусь Тьмой, ласкающей меня: я не стал бы подслушивать, если бы речь пошла о каких-то посторонних вещах! И дело вовсе не в том, что я не поверил в причины, названные мне его высокопреосвященством, отнюдь. Дело в важности того, о чем он, возможно, умолчал.

Хотя, положа руку на сердце, я не исключал бы в этом деле и личных причин, заставляющих Ришелье быть излишне подозрительным и предвзятым. Мари де Роган, жену герцога де Шеврез, кардинал невзлюбил еще в те времена, когда в своем первом браке она была супругой де Люиня, фаворита Людовика XIII, самого главного и коварного противника епископа Люсонского. Де Люинь скончался в 1621 году, что позволило Люсону вернуться в Лувр и довольно быстро занять освободившееся возле короля место в качестве советника (вскоре после этого его возвели в сан кардинала). Всего через четыре месяца после смерти влиятельного мужа неунывающая вдова благополучно сочеталась браком с принцем Клодом Лотарингским, приобретая таким образом титул герцогини де Шеврез. Сей титул позволял ей остаться при дворе, более того

– продолжить близкое общение с королевой Анной, что по вполне понятным причинам не нравилось Ришелье. Сам-то он наверняка бы предпочел, чтобы вдова его злейшего врага навсегда исчезла с горизонта и не была постоянным напоминанием о днях противостояния с де Люином в Королевском Совете и об унижительной ссылке в Авиньон.

Как ни странно, Людовик XIII, который первое время недолюбливал ставленника королевы-матери, в своем отношении к герцогине был с ним полностью солидарен. Правда, на то у него была своя причина. Несколько лет назад его супруге Анне наконец-то удалось забеременеть. У Людовика, как и у всего двора, будто гора с плеч свалилась. Но однажды две подруги, две белокурые красавицы – одна скромная и тихая, другая легкомысленная и взбалмошная – так разрезвились, бегая друг за другом по залам Лувра, что это привело к самой настоящей трагедии: Анна поскользнулась на натертом до блеска паркете и упала. Упала неудачно, ничком, сильно при этом ударившись. Два дня она пролежала в постели, а на третий день случился выкидыш. Король, предпочитавший охоту и общество фаворитов обязанностям государя и мужа, король, уже успокоившийся по части выполнения супружеского долга и вычеркнувший спальню жены из списка мест, необходимых для посещения, – да, король пришел в ярость, не без оснований обвинив мадам де Шеврез (вернее, тогда еще вдову де Люинь) в произошедшем. Он и раньше с настороженностью относился к окружению своей

супруги, теперь же пользовался любым подходящим поводом, чтобы удалить ближайшую подругу Анны из столицы, так что значительную часть жизни в статусе герцогини де Шеврез Мари была вынуждена проводить в нескольких лье от Парижа, в замке Дампьер, принадлежащем принцу Клоду Лотарингскому. Однако влияние подруги на королеву от этого ничуть не ослабло и не сулило ничего хорошего. Ришелье переживал и злился.

Я его понимал.

Давным-давно, когда четырнадцатилетнюю испанскую инфанту Анну доставили в Париж для венчания с юным Людовиком, епископ Люсонский проникся к ней искренним сочувствием и симпатией. Пусть такие браки и были в порядке вещей, однако милая и скромная девочка, оказавшаяся вдали от дома и родных, вызвала чисто человеческую жалость со стороны моего родственника. Став ее духовным наставником, Арман по многу часов проводил с ней в богословских беседах, учил ее правильному произношению, разъяснял тонкости французского этикета, историю и значение тех или иных светских традиций. В те времена я не был у него на службе и по вполне понятным причинам не поддерживал никаких отношений с внучатым племянником, но пару раз я видел их вместе, и следует признать, что настолько взаимной дружеской привязанности я не встречал среди людей ни до, ни после. Подобная привязанность может существовать между родственниками или любовниками, но Анна и Арман

не были ни теми, ни другими.

Что-то произошло за те несколько лет, пока епископ Люсонского диоцеза отсутствовал при дворе. Возможно, Анна всерьез приняла лживые обвинения, из-за которых ее наставник был приговорен к ссылке. А может быть, ее напугало то, что в двух войнах подряд Люсон выступил на стороне Марии Медичи, а значит – против короля и королевы. И пусть впоследствии лишь благодаря искусным действиям Армана мать и сын помирились – в душе юной Анны Австрийской Ришелье мог так и остаться предателем. Иначе я не знаю, чем объяснить все те козни, которые испанка начала строить вместе с подружкой-герцогиней моему внучатому племяннику.

Апофеозом гнусности со стороны де Шеврез стало предложение разыграть кардинала. Однажды молодая королева вслух начала вспоминать времена, когда они с Арманом были близки, а затем ее мнимая ностальгия распространилась и на родину. «Ах, герцог, если бы вы знали, как я скучаю по дому! – горестно восклицала она в присутствии ничего не подозревающего кардинала. – Скучаю по милому брату Филиппу, по испанскому солнцу и по сарабанде... Ах, если бы кто-нибудь захотел сделать мне приятное и станцевать сарабанду!» Ришелье хмурился, кусал губы, но в итоге решился исполнить желание своей бывшей воспитанницы – в надежде, что этот жест вернет ее дружеское расположение. Вечером он явился в ее покои в расшитом болеро с пышным

испанским воротником и в зеленых шароварах. Не знаю, хороша ли была сарабанда в его исполнении, но мне нетрудно представить стыд и ужас кардинала, когда из отгороженного ширмой угла комнаты послышался многоголосый хохот — там в предвкушении потехи укрылись несколько придворных дам и кавалеров под предводительством герцогини де Шеврез.

Эта история, известная мне со слов очевидца, лишь подпитывала мои нынешние сомнения: действительно ли Ришелье заботят добродетели Анны и непристойность ее возможной любовной интриги? Действительно ли он хочет уберечь королевскую чету от подозрений и толков? Действительно ли видит в этой ситуации политическую опасность? Или он на основе информации, содержащейся в письме, собирается затеять какую-то свою интригу и таким образом отыграться на высокородных обидчицах, выставивших его на всеобщее посмешище? Стоит ли задуманное им предприятие (а я не сомневался, что Ришелье уже замыслил нечто, потому и попросил меня не удаляться из Парижа), стоит ли его месть того риска, на который он готов будет обречь меня и мой отряд?

Ну что ж, спросить об этом прямо я не мог. Ришелье и так в прошлую нашу встречу был сверх всякой меры любезен, постаравшись объяснить нюансы, которые меня вообще не касались. Дело государственной важности... Проклятье! Именно так; другими делами первый министр, казалось, не

занимается вовсе — не спит, не молится, не пишет стихов. Не могу сказать, что последнее меня удручало, и все же я помнил: в детстве Арман делал успехи в стихосложении, у него был легкий слог и чудесная фантазия, присущая болезненным мальчикам. Куда делся тот ребенок? В кого он превратился? И как же хорошо, что он совершенно не помнит своего скучного дядюшку Этьена, гостившего несколько раз в родовом поместье дю Плесси...

Раздался приглушенный скрип — это заговорила свеча отца Жозефа. Видимо, он поднял со стола подсвечник, и огонек заплясал, скрипя и поскуливая. Звук этот, приближаясь, довольно скоро вплеся в тонкий писк масляной лампы в библиотеке — значит, начальник тайной канцелярии должен был вот-вот появиться из потайной комнатки.

Какое-то время назад странности претерпевших изменения чувств забавляли и пугали меня. Если с нечеловеческими возможностями собственного тела я свыкся практически сразу, если с потребностью удовлетворять извечный голод быстро смирился, то новые ощущения беспокоили еще долго. Скажем, громкие звуки отдавались теперь не в ушах, а во всем теле: мелкой дрожью в зубах и ребрах, в лобной кости и фалангах пальцев. Я мог накрепко зажать уши ладонями — и при этом не только ощущать телом эту дрожь, но и распознавать в ней лай собаки и стук копыт, отличать мушкетный выстрел от громового раската.

Со слухом же приключилась другая метаморфоза: я те-

перь слышал свет. Даже если источник находился в другой комнате, а двери были закрыты, я мог точно определить, например, сколько свечей зажжено. Я мог сказать, горит ли за наглухо занавешенными окнами дома лампа – писк промасленного фитиля ни с чем не спутаешь. Факелы ворчали, костер оглашал округу непрерывным рыком, ярко освещенные залы орали сотнями разных птичьих голосов. Луна пела – нежно, пронзительно, тоскливо. Наибольшее неудобство доставлял неугомонный, гудящий и ревущий котел солнца; его мощный всепроникающий гул был слышен даже за толстыми крепостными стенами. Однажды я вдоволь позабавился, несколько дней просидев в глубоком погребѣ и на спор угадывая минуту восхода яростного и несносного светила, а также тот миг, когда гас последний солнечный луч. Мне доставляло удовольствие видеть растерянные лица тех, с кем было заключено пари, и их метания в поисках припрятанных в погребѣ часов или ведущего наружу отверстия. Им было не дано понять: мне не обязательно смотреть на то, что я могу услышать.

Глаза теперь видели в темноте так же хорошо, как раньше днем, и было удивительным и странным вспоминать времена, когда я не знал, куда поставить ногу, опасаясь попасть в сокрытую мраком канаву, споткнуться о корягу, налететь на выставленную из-за угла шпагу ночного грабителя. Ах да! Все время забываю упомянуть – глаза видели прекрасно, даже если не поднимать век.

Когда отец Жозеф наконец-то появился в библиотеке, я вплотную приблизился к ним, не подозревавшим о моем присутствии. Мне не хотелось пропустить ни слова из приглушенного разговора.

– Итак? – спросил капуцин.

Ришелье, успевший распечатать и пробежать взглядом письмо, бессильно уронил руку и с трудом выговорил:

– Она согласилась.

– Дьявол! – воскликнул отец Жозеф и тут же перекрестил свои губы, помянувшие нечистого. – Вот так открыто и однозначно? Никакого шифра и приписок невидимыми чернилами?

– Читайте сами.

Кардинал протянул листок, и начальник его тайной канцелярии жадно впился в текст глазами. Я заглянул ему через плечо.

«Милая сестрица, – было выведено крупным, почти детским почерком (Анна так и не научилась чисто и уверенно писать по-французски), – сгорая от обиды и стыда, я вынуждена признаться, что муж по-прежнему холоден со мной. По всей видимости, дабы исправить эту ситуацию, я все-таки воспользуюсь примером известной Вам банкирши. Ваша Луиза».

Я был весьма озадачен и потому взглянул на короткое послание сквозь Полумрак: нет, никаких тайных символов, никакого скрытого подтекста. Значит, молодая королева, под-

писавшаяся именем фрейлины, имела в виду именно то, что в итоге написала. Хорошо, допустим, первая фраза – это тот самый ответ, который рассчитывал перехватить Ришелье: раз муж «по-прежнему холоден» – значит ребенка Анна не ждет. Другая фраза менее ясна. Не код, но нечто, понятное и отправителю, и получателю, а заодно и кардиналу с его ближайшим помощником. И раз Арман вынес из послания некое согласие королевы... Согласие на что? Что это за банкирша? Каков ее пример? Она каким-то образом заставила своего холодного мужа вспылать страстью? Или нашла ему замену? Если судить по взволнованным лицам ознакомившихся с содержанием письма, второе гораздо вернее.

Двое – Арман дю Плесси и Франсуа дю Трамбле, прирожденные воины, волей Провидения переодетые в сутаны, – в упор смотрели друг на друга и молчали. Шум крови в их венах и сосудах был сейчас даже громче, чем дыхание, громче, чем разговор свечи с лампой.

– Королева-регентша – это Испания в Париже, – прервав затянувшуюся паузу, выдал Ришелье.

– Не забегайте вперед, мой друг, – покачал головой капутин. – Она согласилась на словах, но хватит ли ей решимости? Она – дочь и сестра самых католических из королей. Она воспитана соответствующим образом.

Я окончательно перестал понимать что-либо. Хотя, пожалуй, с последней фразой был согласен: говорили, что при испанском дворе царит фанатичная строгость во всем. Да-

же маленьким детям в своих покоях не разрешалось бегать, играть и смеяться. Чинность, благопристойность и подавление любых эмоций, кроме восторга во время молитвы. Нынешний король Испании и Португалии Филипп IV Габсбург, родной брат французской королевы, принимал посетителей, глядя перед собой в одну точку, не шевелясь, не поворачивая головы и, казалось, вообще не дыша, и только губы его двигались, когда он отвечал на просьбы и отдавал распоряжения. Представить, что его сестра, воспитанная в той же самой строгости, вдруг позволит себе грех прелюбодеяния, — немыслимо! И все-таки растерянность и даже некоторый страх собеседников явно показывали мне, что речь в письме идет именно об этом. Кардинал не просто угадал — он словно предвидел подобный поворот!

Как же такое возможно?! Неужели наша королева *настолько* подвержена влиянию сладострастной и взбалмошной де Шеврез? Если историю с сарабандой еще можно было назвать пусть злой, но все же детской выходкой, то теперь невинными шалостями и не пахло.

Но что же это за банкирша? И почему эти строки заставили Ришелье заговорить про Испанию в Париже?

— Уже поздно, мой дорогой дю Трамбле, — устало вымолвил кардинал. — Нам требуется отдых, пусть даже кратковременный, чтобы завтра мы с новыми силами вернулись в эту битву.

Капуцин почтительно склонил голову и направился к вы-

ходу из библиотеки, однако в дверях обернулся к Ришелье и спросил:

– Как ваше высокопреосвященство собирается поступить с этим письмом? Тайком вернуть его на место? Или монсеньор прикажет мне составить другой текст, противоположный по смыслу, написать его почерком Анны, а затем перехватить гонца и совершить обратную подмену?

– Ни то, ни другое, друг мой, – задумчиво ответил Ришелье. – Даже если та пустышка, которую утром повезут в Дампьер вместо настоящего письма, разозлит получателя, ответным шагом может стать только повторный вопрос Анне. Герцогине де Шеврез придется поручить доставку письма проверенному человеку, коего еще следует найти и подготовить. А это – время, и оно будет играть на нашей стороне.

Отец Жозеф еще раз поклонился и вышел.

Теперь мне тоже нечего было здесь делать, и потому я поспешил удалиться.

Уже находясь в предутреннем весеннем небе, я ощутил выплеск Силы – где-то позади открылся Светлый портал. С высоты не было понятно, где именно – на Королевской площади или чуть поодаль. Возможно, к Марион Делорм захаживают не только знатные вельможи из числа людей? А может быть, один из особняков принадлежит Иному, который нечасто там появляется или слишком хорошо маскируется?

Или просто Пресветлый коннетабль решил внезапно проверить, как несет свою службу на темных улочках парижский

Церковный колокол давно уже пробил три раза, и тем не менее мэтр Мишель, хозяин гостиницы «Лилия и крест», находился сейчас не в своей постели под пуховым одеялом, а внизу, в пустом трапезном зале. Он был заранее предупрежден о позднем визите одного странного завсегдатая. Тощий бледный господин из благородных время от времени заказывал то каплуна, то зайца, то молочного поросенка, то барашка. Однако хозяину можно было не беспокоиться о готовке жаркого: вся тушка, щедро оплаченная, оставалась у него и шла следующим вечером на ужин постояльцам «Лилии и креста». Господину же требовалась лишь кровь, теплая кровь только что убитого животного. Он рассказывал, что язычники из-за моря, откуда испанцы, по слухам, привозили много золота, верят, будто, выпивая теплые соки зверя, ты обретаешь самые лучшие его качества: просыпаешься с рассветом, сразу же становишься бодрым, петляешь среди деревьев так, что ни один враг не сумеет прицелиться в тебя из аркебузы, и так далее, и тому подобное. Чудные они, эти язычники! Что может быть лучше для укрепления сил и духа, чем хороший кусок прожаренного мяса и бутылочка доброго вина?

Однако мэтр Мишель предпочитал помалкивать об этом

посетителя и не обсуждать его предпочтения в еде ни с кем, включая самого господина. Разумная предосторожность еще никогда никому не вредила, а у хозяина гостиницы был большой опыт по части того, о чем следует молчать, чтобы себе же не сделать хуже.

Он успел поспать после того, как отужинавшие гости разбрелись по комнатам, но к назначенному часу, не снимая ночного колпака, спустился из своей спальни вниз и теперь дремал за столом, положив голову на руки. Но стоило только скрипнуть входной двери, как он тут же подхватился и, кланяясь, засеменил к щедрому господину. Тот задумчиво кивнул и скинул на услужливо подставленные руки тяжелый плащ, а сам прошел на привычное место, за стол в углу. Привычным же движением он повесил снятую шляпу на шпингалет ближайшего окна, дабы снаружи никто не смог случайно увидеть, что за человек сидит в «Лилии и кресте» в столь поздний час (или, если хотите, в столь ранний) и, самое главное, что он пьет.

Мэтр Мишель скрылся в чулане рядом с дверью в кухню; сперва оттуда раздалось беспокойное куриное квохтанье, а следом за ним – тупой удар топора и звук льющейся в кувшин тонкой пульсирующей струйки. Потом последовал второй удар, и напоследок – третий. Ноздри де Бреку (а это, разумеется, был он) раздулись. Через несколько мгновений хозяин поставил перед ночным гостем полный кувшин, заботливо прикрытый полотенцем. Кивнув, барон достал из кар-

мана пару монет, кинул их на стол и движением заостренной бородки отправил мэтра Мишеля с глаз долой.

Он успел сделать два больших и медленных глотка, два раза сосательный мешок на горле набух и опал, но уже третий глоток был прерван шумом возле входа, а затем в «Лилию и крест» вошла уже знакомая нам троица. Первым появился крайне недовольный юноша в охотничьем костюме. Сердито сбросив с плеча увесистый тук, он сказал де Бреку:

– Мне нужен слуга!

– У тебя уже есть один, – внимательно глядя на вошедших, возразил барон.

– Я помню! – взвился юноша. – А вот ты, кажется, забыл, что он сейчас, как и все остальные слуги, прохлаждается в поместье, в твоём фамильном замке! Черт бы побрал эту секретность, заставляющую нас путешествовать без сопровождения! Так что я повторяю: мне нужен слуга, здесь и сейчас, чтобы таскать все эти вещи!

– Но когда мы вернемся, – снова возразил барон, – что ты станешь делать со вторым?

– Сожрет! – коротко ответил вместо юноши Малыш и весело рассмеялся над собственной незатейливой шуткой.

Юноша попытался испепелить его взглядом глубоко посаженных черных глаз, но Малыш, не обращая на него внимания, уже нагнулся, чтобы скинуть с плеч другой баул. Он и Лёлю – оба на сей раз были уже не в одних только плащах, а в недорогих, но добротнo пошитых камзолах и одинаковых

штанах из буйволово́й кожи. У всех троих на перевязях висели шпаги.

– Что случилось, Лёлю? – обратился де Бреку к самому старшему. – Почему вы оказались здесь?

– Тебя ищут. Ищут так хорошо, что раскрыли наше временное убежище.

– Была драка?

– Нет, обошлось. Но далее оставаться в убежище смысла не было. К тому же я решил, что тебе может понадобиться наша помощь.

– Ночной Дозор?

– Оба Дозора.

Барон задумался. Вот как! Никаких серьезных нарушений Договора за ним не числилось, его вообще целый месяц не было в Париже, и значит – все дело в том, ради чего он посетил салон мадам Рамбуйе.

– Что у тебя здесь? – неотрывно глядя на кувшин и при этом презгливо морщась, спросил юноша. – Куриная кровь?

– Глотни, – посоветовал де Бреку. – Помогает.

– Когда-нибудь я припомню тебе вчерашнюю субретку! – сверкнув глазами, пообещал юноша, но кувшин взял.

– А для нас найдется тут чего-нибудь? – осведомился Малыш. – Где хозяин? Спит?

– Не стоит его будить. Вон в том чулане должны лежать три-четыре черные курицы, которые при жизни носили эту кровь в себе. Кровь еще не остыла, стало быть, и куры – по-

что как живые. Вам должно хватить на двоих.

Малыш скептически хмыкнул, но послушно отправился искать обескровленные тушки.

Однако как следует подкрепиться им не удалось – в гостиницу пожаловали новые лица. Впрочем, некоторые из них были знакомы де Бреку: Фюмэ и Бриссара он видел не далее как прошлым вечером, а Эжена Ля Мюрэна – накануне, в окрестностях Фонтенбло. Еще несколько пришедших (часть из них осталась на улице, чтобы следить за дверьми и окнами) также были дозорными разных мастей.

Светлый Фюмэ допустил ошибку, ворвавшись в трапезный зал с обнаженной шпагой в руке. Тоненький юноша-охотник среагировал мгновенно, его клинок молниеносно выскочил из ножен и, описав в воздухе короткую дугу, с лязгом врезался под рукоятку шпаги противника. Эффект был как от удара кувалдой: проделав перед носом Фюмэ сложный кульбит, его собственное оружие взмыло вверх и воткнулось острием в закопченный потолок. Малыш и Лёлю, готовясь к обращению, одинаково набычились и угрожающе заворчали. В ладонях дозорных, сверкая и потрескивая, начали формироваться атакующие заклятия.

– Прекратить! – крикнул Николя Бриссар, который, вероятно, был старшим в дежурном карауле Темных. – Нам только резни тут не хватало! Напоминаю, господа, что мы имеем дело с благородным Иным. – Николя сделал поклон в сторону де Бреку, который невозмутимо потягивал густой бордо-

вый напиток из кувшина. – Уверен, мы сумеем обойтись без крайних мер.

Барон жестом показал своим бойцам, чтобы те не предпринимали пока агрессивных действий и отошли подальше от дозорных.

– Чем обязан, господа? – ровным голосом спросил он.

Взбешенный Фюмэ, с трудом выдернувший свою шпагу из потолочной балки, со злостью прошипел:

– И ты еще спрашиваешь, кровосос?!

– Ну же! – Бриссар успокаивающим жестом выставил руки ладонями вперед. – Не будем ссориться, мэтр Фюмэ! Неужели мы не сможем договориться, не используя взаимных оскорблений?

– Правильно ли я понимаю, мэтр Бриссар, что Дневной Дозор готов забыть о нынешнем временном союзе и вступить за преступников? – вздернул подбородок Ля Мюрэн.

– Все наши договоренности в силе, милостивый государь. А преступники или нет – это следует для начала выяснить. Месье де Бреку, вы ведь не будете против, если мы зададим вам несколько вопросов?

– Разумеется, сударь, спрашивайте, – ободрил Бриссара барон. – Мне уже и самому любопытно, чем вызван такой переполох среди гвардейцев наших уважаемых коннетаблей! Пойдите-ка...

Де Бреку привстал из-за стола и, вытянув шею, посмотрел за спины толпящимся в зале Светлым и Темным. По

ступенькам лестницы в дальнем углу трапезной спускался со второго этажа хозяин «Лилии и креста», услышавший шум внизу. Его полуприкрытые и красные от недосыпа глаза вдруг превратились в суповые миски – так сильно удивило его количество людей, собравшихся посреди ночи на первом этаже его гостиницы.

– Тс-с! – сквозь зубы просвистел де Бреку. – Все хорошо!

– Все хорошо, – будто зачарованный повторил мэтр Мишель, останавливаясь и осоловело таращась на тощего бледного завсегдатая.

– Здесь ничего не происходит. Можно идти спать, – подсказал ему барон.

– Здесь ничего не происходит, – согласился хозяин. – Можно идти спать...

– Ну, вот теперь – порядок, задавайте свои вопросы, – удовлетворенно кивнул вампир.

– Мы не так давно уже имели счастье видеться с вами, господин барон, – нараспев протянул Николя Бриссар, взяв тем самым на себя функцию благодушного дознавателя. – Вы ведь помните, сударь, где и при каких обстоятельствах это произошло?

– Безусловно. Мы случайно встретились в салоне мадам Рамбуье, в гостиной, где некий наглец читал свои бездарные стишки.

– Так ли случайна была наша встреча, месье де Бреку? – с легким укором спросил Темный.

– А-а! Вы делаете признание? Вы хотите сказать, что неспроста оказались в том доме? Вы признаетесь в том, что подговорили Трувера повздорить со мной? То-то я был удивлен: на глазах двух дозорных вампир обсуждает с человеком дуэль, а эти господа и ухом не ведут, вместо того чтобы вмешаться и остановить скандал! Фюмэ, разве не ваша прямая обязанность оберегать обычных людей от подобных стычек? Но вы смолчали! Теперь мне все понятно! Вы сами это подстроили!

– Милостивый государь, вы неверно истолковали мой вопрос! – перепугался Бриссар. – Никто никого не подговаривал!

– О, я вам не верю, не верю! – трагично приложив запястье ко лбу, взвыл де Бреку. – Какое коварство, какое лицемерие! О! Теперь все погибло, вы погубили меня, господа!

– Да что же это такое?! – раздался из-за спин голос с явным провансальским акцентом. – Вы разве не видите, что этот негодяй смеется над нами?!

– Ля Мюрэн! – встрепенулся барон. – Я узнаю ваш голос! И теперь происходящее становится для меня все более и более очевидным. Сначала вы пытались схватить меня в Фонтенбло, придумав для этого немыслимый, смехотворный предлог. Не получилось там – вы принялись интриговать против меня в Париже!

– Фонтенбло? – переспросил кто-то. – А что вы делали в Фонтенбло?

– Дрался на дуэли, – охотно откликнулся де Бреку.

– Не слишком ли часто господин барон дерется на дуэлях с обычными людьми? – с издевкой осведомился Ля Мюрэн.

– Не чаще, чем меня принуждают к этому! – тут же парировал де Бреку. – И теперь я не без оснований подозреваю, что и та дуэль тоже была подстроена вашими доблестными Дозорами!

– Да постойте вы! – взмолился Николя Бриссар, видя, как разговор все дальше и дальше уходит от нужного направления. – Забудьте о дуэлях! Я вообще не о том веду речь!

– О чем же? Выражайтесь яснее!

– Какую цель вы преследовали, придя в салон? Какое поручение выполняли?

– Поручение? – Де Бреку придал озадаченности своему бледному лицу. – Ну что вы, Бриссар! Я удовлетворял собственное любопытство.

– Вот как! И в чем же оно заключалось?

– Известно ли вам, месье дозорный, что род дю Плесси, включая все его побочные ветви, издревле славится поэтическими талантами? Мы все поэты, месье, пусть даже не каждый из нас признается в этом. Читали ли вы когда-нибудь комедии и сонеты, написанные в молодости его высокопреосвященством кардиналом Ришелье? Нет? Очень жаль! Я, возможно, не так хорош и усерден в своем служении Эвтерпе и Эрато, как мой родственник, но даже черствому сердцу вампира не чуждо волшебное стихосложение, дарящее див-

ные эмоции как в процессе творения, так и после. Однако не так давно мне стало известно, что эти новомодные вуатюры и малербы, эти рифмоплеты, коих ныне кличут поэтами, произвели настоящую революцию в столь милом жанре, выпестованном веками и гениями, – в жанре любовной оды. Вот я и направил свои стопы к салону несравненной Артенис, возжелав, с позволения сказать, припасть к источнику. И что же? Чем угостили меня? Чем попотчевали? Сатирическими уличными памфлетами, господа! Бездарными и унижительными! Вы только послушайте!..

Бриссар, нахмурившийся и крепко задумавшийся при упоминании Ришелье, теперь замахал руками, дабы остановить разошедшегося вампира:

– Да постойте вы, господин барон! Мы с Фюмэ были свидетелями этой ситуации, не стоит пересказывать ее нам всем еще раз!

– Как вам будет угодно, – пожал плечами де Бреку и с видом оскорбленной добродетели вздернул подбородок. – Вы спросили, что я делал в салоне, – я вам ответил.

Дозорные переглянулись.

– Видите ли, господин барон, – заговорил Светлый Фюмэ, стараясь держать себя в руках после недавней гневной вспышки, – мы с мэтром Бриссаром не являемся знатоками и ценителями высокого стиля. И потому – не секрет, что в салон мы пришли совсем по другому поводу. Думается мне, что вы... хм... слегка лукавите, не называя нам истинной

причины своего появления в особняке Рамбуйе. Не станете же вы утверждать, что вам ничего не известно о документе, который хранился в кармане одного юноши? О документе, который исчез сразу после вашего ухода!

– Так-так! – оживился де Бреку и потер ладони. – Обожаю подобные истории! Досадно, что мне пришлось все это пропустить, но... Продолжайте, мэтр Фюмэ! Я уже горю нетерпением узнать, что же было дальше!

Светлый Ля Мюрэн отчетливо фыркнул от негодования.

– Дальше? – сердито переспросил Фюмэ. – Мы надеялись, это вы расскажете нам, что было дальше! Как вы исхитрились подменить документ? Где он сейчас? При вас?

Де Бреку поднялся с места, обескураженно посмотрел по очереди на каждого из своего небольшого отряда, затем вновь обернулся к дозорным караулам и растерянно развел руками, да так и застыл в нелепой позе.

– Я, господа? Я подменил? Я?! – с изумлением спросил он. – Да как бы я смог это проделать, если, по вашему утверждению, документ исчез *после* моего ухода?

– Не придирайтесь к словам! – снова вскипел Фюмэ. – Вы прекрасно поняли, что я имел в виду! Вы могли похитить это послание и унести с собой, а пропажу – вернее, подмену, – мы обнаружили только после того, как вы изволили покинуть салон Рамбуйе!

– О, уверяю вас, я ничего не похищал! Я даже близко не подходил к юноше – и вы должны были видеть все это, по-

скольку, как я успел заметить, пристально наблюдали сквозь Полумрак за мной и друг за другом! – Тут он снова застыл, будто только сейчас ему пришла в голову поразительная мысль. – Постойте-ка, господа... А ведь, кроме нас, в салоне Иных не было! Уж не хотите ли вы сказать, что вас провел кто-то из обычных людей? Кто-то утащил письмо из-под самого носа наших доблестных дозорных, пока они таращились друг на друга! Ай-ай-ай! Ведь в этом документе наверняка было нечто важное! Возможно, государственная тайна!

Толпа дозорных зароптала; Ля Мюрэн, побагровев, потянулся к эфесу шпаги и прошипел:

– Клянусь честью...

– Вот! – Де Бреку, перебив на полуслове, указал на Ля Мюрэна пальцем. – Отличная мысль! Давайте клясться! Я и Бриссар – Тьмой, Фюмэ и вы, Ля Мюрэн, – Светом. Просто для разнообразия. А то все болтаем и болтаем... Хоть развлечемся!

Гвардейцев из обоих Дозоров заметно смушало то, с какой развязностью ведет себя вампир. Либо он действительно не причастен к краже письма, либо уверен, что сможет уйти безнаказанным. Да, он силен, и он не один – и пусть троица сопровождающих барона низших Темных не выглядит слишком уж внушительной в сравнении с объединившими свои дежурные караулы дозорными, однако никому не хотелось рисковать понапрасну. Вдруг выяснится, что обвинения Фюмэ и Бриссара против де Бреку беспочвенны и бездока-

зательны? Одно дело – найти и арестовать виновного, другое дело – назначить виноватым крайне неудобного во всех отношениях вампира, который к тому же состоит на службе у самого кардинала. Не то чтобы последний факт имел какое-то решающее значение, все-таки у Иных была своя иерархия. Но Ришелье был в Париже реальной силой, не считаться с которой было нельзя.

Изначально, пару лет назад, когда де Бреку со своей свитой объявился в столице, его обязанностью считалась охрана кардинала. Сколько бы ни говорил Ришелье о количестве недоброжелателей, о возможных покушениях и тайных заговорах против его персоны, Людовик XIII считал, что королевских мушкетеров вполне достаточно, чтобы защитить и самого короля, и первого министра. Такое положение вещей не устраивало его высокопреосвященство, вот и вынужден он был нанять в качестве телохранителей своего дальнего родственника с приятелями. Платил он им, разумеется, из собственного кармана, а не из королевской казны. И какое-то время личный эскорт, состоящий из двух вампиров и двух оборотней, исправно следовал за Ришелье всюду, куда бы он ни направлялся, – иногда явно, у всех на виду, иногда скрытно, вызывая некоторую панику у Ночного Дозора.

Светлый и Темный коннетабли Парижа, обсудив происходящее, пришли к выводу, что Ришелье имеет право нанимать на службу кого угодно, лишь бы этот кто-то не распространял свое знание о существовании Иных, не вмешивался

в политику государства и не влиял на решения первого министра и его приближенных. Правда, вскоре члены маленького отряда стали встречаться дозорным караулам в тех местах, где вроде бы не должны были находиться, – их видели то в Савойе, то в Орлеане, то под Ла-Рошеллю, то есть там, где охрана Ришелье точно не требовалась, поскольку сам он в это же время пребывал в Париже. Не нужно быть мудрецом, чтобы сообразить: теперь эти Иные не только заботятся о безопасности и благополучии своего господина, но и выполняют различные тайные поручения. Однако при этом они ни разу не были пойманы на нарушении Великого Договора – может быть, слишком хорошо заматали следы, а может, и впрямь действовали вполне законными методами. Да и их наниматель до сей поры не выказывал своей осведомленности в том, что ему известно о нечеловеческих способностях телохранителей и о существовании Дозоров. Возможно, действительно даже не догадывался.

Какие уж надежды были связаны с Ришелье у обоих коннетаблей, какие планы они строили, какие ставки делали на эту фигуру – не понять. Но вот так арестуешь сейчас этого подозрительного вампира и его шайку, а на кардинала в это время произойдет покушение – и парижские Дозоры придется формировать заново, потому что Пресветлый и Претемный снесут головы всем гвардейцам без разбору. А значит, надо было обладать первостатейными доказательствами вины, чтобы задержать этих подозреваемых. Которые, к слову,

без боя сдаваться не станут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.